Бродяги с Сахалина

Транзитная повесть

Надо любить Россию. Надо проездиться по России.

Н. В. Гоголь

Наконец семья Василия Гнездова втиснулась в тринадцатый плацкартный вагон пассажирского поезда Владивосток – Москва. Забив последнее купе-отсек баулами, узлами и чемоданами, сахалинец устроил на полках жену, тёщу и сыновей Герку с Юриком. Отдышавшись, Василий поправил седеющий чубчик перед зеркальцем в своём портсигаре, смахнул капли пота со впалых щёк и застегнул китель на все пуговицы. Пощупав телогрейку жены, он потёр свои хромовые сапоги о мешковину баула и уже на правах пассажира вышел в тамбур покурить и кинуть прощальный взгляд на вечереющий Владивосток, по-осеннему подсвеченный отблеском бухты Золотой Рог.

Город жил портовой жизнью, встречал и отправлял суда, многообразные грузы, пассажиров, провожал с железнодорожного вокзала переполненные поезда в долгий путь по Транссибу. Два года назад Гнездов, недавний фронтовик, с семьёй откатывался с материка, из Хабаровска на Сахалин, теперь возвращался с острова восвояси, на родину, в Курскую землю, городок Дмитриев.

Сразу после демобилизации не мог фронтовик вызвать семью из Хабаровска и осесть в родном краю – по безденежью. А в самых жутких боях не забывал дивизионный разведчик о бедствующей семье в далёком Хабаровске. «Выживешь или загремишь в санчасть, – всегда путеводила мысль, – трофей приглядывай, Фомка, желаемо – поценней!» И уже в Венгрии носил он с собой дорогой портсигар с часами и пятком золотых колец. Да на озере Балатон попёр немец так, что пришлось закопать на пляже под камнем тот портсигар и драпать от танков, а потом валяться по госпиталям с ранением. Когда же возвратился в часть и поднабрал снова кое-чего из трофейных ценностей, все вытряхнули погранцы при возвращении в Россию.

Возвратясь в свой бедолажный домишко на краю Хабаровска, сообразил Василий завербоваться на Южный Сахалин, отбитый у японцев, подзаработать деньжонок в суете перезаселения по всем писаным и неписаным правилам победителей.

Теперь сахалинец мог, наконец, собрать семью на родину, в тихий Дмитриев. «Сколько можно мыкаться по белу свету, – и сейчас появилась на ходу, перед тамбуром, мысль. – Мы с Тонькой и тёщей хоть помним родные селенья, а детишки – прямо перекати-поле». Достав из портсигара папиросу, Василий прикурил её от цигарки подошедшего проводника и затянулся бодрящим дымком.

– Ну, повело деревню на село! – высказался сухощавый проводник, сверкнув сталью зубных коронок. – Сюда везём полегче народ, верботу в основе, а отсюда вывозим ещё с тем фартом – кто чем нагружается: рыбкой, икрой, медком, японским трофеем, опять же не без деньжат...

– Для того он и Дальний Восток, чтобы не зевал наш Фомка, взял какой-никакой фартовый прибыток, – подсказал Гнездов и протянул свой массивный портсигар проводнику. – Закури, служба, в добрый час!

Проводник взял беломорину, с почтением провёл пальцем по иероглифам на крышке папиросника и поинтересовался:

– Трофей?

– Выменял на Сахалине у япошек, – кивнул Гнездов на пленных японцев, копошащихся у пульманов, мимо которых набирал скорость их пассажирский поезд. – Сам воевал на западе, а завербовался на восток.

– Что-то скоро на Большую землю? – дохнул папиросным дымом проводник. – Не климат?

– Жить на Сахалине можно и после японцев, – объяснил Василий. – Да у меня даже фамилия родного гнезда требует: Гнездов Василий Сергеевич... Везу семью в курские края, чтоб детишки знали, откуда батя родом. Где их корни.
– А я Одиноков Денис Аверьянович, – протянул руку проводник, пожал ладошку Василия и прихватил ещё папиросу. – Сколько сам ни собирался завербоваться, не хватило удали.
– Мы-то по нашему времени были отчаюги, вербовались напропалую, а после фронта и Македон стал не страшен, – заметил Василий, блаженно покачиваясь. – На Южном Сахалине нам подали, можно сказать, адмиральский трап.
– Позавидовать можно, друже, – отмахнулся проводник, – но хорошо там, где нас нет... Впрочем, заходи к нам в служебку, Василий, запросто. Напарник Мишка у меня без фертов, за бутылкой всегда смотает, закуски добавим – в ресторане, конечно, по коммерческим ценам, да вам, дальневосточникам, вроде всё по карману...
– Путь долгий, стоит денег, – подхватил Василий и крепко щёлкнул себя по кадыку. – Не один бутылец можно уговорить.
– Чтоб без разору для вас, – согласился хозяин вагона. – Наше дело довезти вас до места в лучшем виде. Кто до Москвы, тех поближе к служебке – спокойный угол, а сибирские и подсадники – дальше, к ходовому тамбуру, чтоб не ходили через транзитников. Потому и титан греем пореже – пусть пассажир приучается бегать до водогреек, благо они везде ещё остались по большим станциям.
– У нас свой семейный чайник, – сообщил сахалинец. – Тёща моя уже настраивает его в нашем отсеке.
– Рад буду отведать вашего чайку, Василий!
Проводник весело взял под козырёк, отступил в гудящее нутро вагона и его строгий голос осадил горланящих:
– Граждане, прошу без фертов! Вы, конечно, счастливцы, что выстояли билеты в наш поезд дальнего следования! Но предупреждаю: не сорить, не базлаить, распивать в меру и вообще соблюдать социалистический порядок! Иначе очень даже запросто, товарищи, можно залететь на поезд в обратном направлении с пересадкой на пароход «Джурма» аж до самой Колымы – получится для вас один разор!.. – Зычный голос проводника перебил хриплый динамик:
Для нашей Чилиты
Все двери открыты,
Она весела и рада
Без денег и без наряда!
Василию хотелось покурить, наконец, одному после переброски семьи с парохода, очередей на вокзале, толчеи при штурме вагона. Сахалинец захлопнул дверь в вагон и втянул ноздрями рвущийся в тамбур приморский воздух вперемешку с паровозным дымом. «Колыма»... «Джурма»... – завертелось в голове Василия под песню о какой-то Чилите. – Запросто на языке, а в жизни?..
Одно время он сам чуть не завертелся на Колыму, польстившись на посулы вербовщика, который расхваливал условия жизни там для вольных. В последний момент ему рассказали, что работать придётся в лагерном соседстве, рядом с зеками, среди которых много бывших фронтовиков, за счёт массы лагерников и строится благосостояние «вольняшек». Не захотелось Василию окунать детей в колымскую муть, и недавний фронтовик выбрал Южный Сахалин.
На этом зелёном острове, в пенном обрамлении безоглядного моря-океана оставались японцы и привлечённая ими в разные годы рабсила – корейцы. Однако пожить рядом с основной чужеродной нацией русским пришлось недолго: японцев начали интернировать, вывозить пароходами в Японию. И здесь первым русским переселенцам предоставлялся редкий шанс скупать разное добро-барахло по бросовой цене, а то и прибирать задаром весь обиход, начиная от татами из рисовой соломы, кончая шёлковыми кимоно и толстенными одеялами, спасавшими зимой от лютых ветров с мощными снегопадами. А соседи японцы,

с которыми быстро сдружились Гнездовы от младшего Юрика до бабушки Федоры Матвеевны, дарили много и щедро. Торопясь на свои острова, японцы отдавали русской приветливой семье лакированные подносы, фарфоровую посуду, миниатюрные комодики, изящные картины, часы с боем и музыкой, красивые книги, разные поделки: при ограниченном личном багаже всё одно приходилось многое бросать, так лучше пусть пользуются «росскэ», которые выручали соседей не раз горсткой риса, куском сахара, махоркой, а то и взаимно откапывали домишки из-под снега во время тайфунных заносов.

«Кому война, а кому мать родна, – укоризненно всплывало не раз в мыслях Василия, когда перепродавал потом многое вновь прибывающим переселенцам, и утешала усвоенная с детства хваткая хозяйская заповедь: – Не зевай, Фомка, на то ярмарка!»

Сахалинская «ярмарка» для Гнездовых закончилась немалым прибытком: к лету сорок седьмого года скопилась порядочная кучка денег. Должность Василию при перезаселении была предоставлена денежная – зам начальника порта Хонто по хозяйственной части. С торговыми прибавлениями в домашней большой шкатулке с разлапистыми иероглифами кучка крупных купюр разрослась через год под крышку. И чем солидней становилась сумма накоплений, тем настырнее напирал в ночные часы голос жены: «Время, Васёк, и самим, как япошкам, подаваться с Сахалина. Здешние тайфуны то и гляди домишко наш чужеродный в море снесут. Землетрясения шарахают – аж сопки трясутся! Мама – срам один! – на японский храм молится! Детишки в японской школе учатся, лопочут по-ихнему, а дружба такая к чему приведёт по милицейским понятиям?»

Василий пытался образумить жену, которая тоже получала хорошую зарплату в подсобном хозяйстве порта и усердно вкладывала свою долю в денежную шкатулку. Он доказывал Антонине, что к тайфунам можно притерпеться – не так страшен чёрт, как его малюют, что те же японцы научились строить дома лёгкие, да стойкие и против тайфунов и от землетрясений. У тёщи Федоры Матвеевны, напоминал хозяин, есть икона Николая Чудотворца – молись без огляда на японский синтоистский храм. А Герке с Юриком было не вредно временно ходить в японскую школу, разделённую на три части – корейскую, японскую и русскую – по народонаселению острова. Поначалу между нашими школярами и местными возникали, как водится у подростков, стычки. Однако учителя скоро сдружились между собой и сообща стали внушать ученикам мысли о пагубности недавней войны, о том, что мир устал от распрей, и содружество надо начинать с малого, с самих себя. Ребятня и без высоких слов на общих интересах, поругиваясь изредка, начала все же кучковаться, балакать на смешанном языке и проводить спортивные игры по возрастам.

И когда японские пароходы стали увозить своих жителей Южного Сахалина на родину, наши порой не могли сдержать слёз.

И Василий переубеждал жену остаться на острове, в их портовом городишке Хонто, который переименовывался в Невельск.

Да Антонине мерещились родные среднерусские места, тихие речки со стадами гусей на них и сады в цвету. И в качестве козыря жена сообщила как-то про беременность и запричитала, что в случае войны здесь будет передний край, и как тогда уберечься семье с маленьким ребёнком?

Василий пытался противопоставить кликушеским тревогам жены свой здравый смысл с фронтовым опытом, убеждал супругу, что после недавней двойной мировой бойни люди надолго притихли, народу выбита уйма, человечество на новую войну соберётся нескоро, но Антонина стенала. Жена требовала отъезда в родные края.

Тёща занимала в спорах дочери с зятем нейтралку, стараясь угодить обоим, а больше заботилась о благополучии внуков.

Василий выдержал бы подступы жены, если бы неожиданно в напор супруги не добавил свою пилюлю Гнездов-старший из далёкого Дмитриева. Сергей Кириллович написал слёзное письмо, где каялся перед сыном за то, что плохо доглядывал за Васяткой после ранней смерти жены, допустил бегство сынка из родного дома, не следил за его блужданиями на стороне, вербовками, фронтовой полосой и жизнью после войны. В конце

письма Гнездов-старший утверждал, что всегда призывал Всевышнего спасти и сохранить родное чадо и теперь зовёт сына под родную крышу к отцу, который серьёзно прибаливает. «Из-за саднящего сердца пришлось, сынок, оставить работу на почте, передав её недотёпистому братцу твоему неродному Гавриле, – писал отец. – Неровен час – помру, и родовой дом целиком достанется твоей мачехе Фаине! Не допусти, Вася, такой несправедливости! Хоть поздно, да возвратись! Возьми вожжи в свои руки, ибо они выпадают из моих!»

Письмо расстроило сахалинца, поколебало его позицию, будто взрыв бомбы замедленного действия, и заставило сменить гнев на милость к немощному отцу. Под усиленным напором жены Василий засобирался в отъезд из Невельска.

Сложив все деньги после расчёта, Василий решил, что средств за глаза хватит на дом, обстановку и хозяйство в родном Дмитриеве. А чтобы крупная сумма не вызвала интереса у заинтересованных органов своим происхождением, Гнездовы решили везти деньги с собой. Тёща по случаю вспомнила и присказку: «Ближе положишь– дальше возьмёшь!» И всей семьёй придумали, как заначить деньги в долгую дорогу.

Помолясь, Федора с помощью дочери выпотрошила новую телогрейку, освободив от ваты все ячеи. В каждую опустевшую занорину Василий затолкал свёрнутые в трубку пачки крупных дензнаков, возвратив большой телогрейке объёмную её форму. Антонина зашила порезы, примерила преображённую одёжку и повертелась перед зеркалом. Все решили, что получилось сносно и замаскированно, хотя Герка с Юриком не сдержали улыбок. Тут же Василий строго-настрого наказал ребятне забыть про деньги в телогрейке, не прикасаться к ней и смотреть на неё как на пустое место.

Мать добавила сыновьям по тумаку.

А бабушка тут же сотворила заговор на сохранность денег: «В наш кошель ваша деньга, ваша казна – моя казна! Аминь».

Самого хозяина не раз подмывало рассмеяться над тёщей с её суеверием, да вспоминал Василий, как в пору продаж разного барахла, может, помогало другое заклинание Федоры: «Я купец, всегда молодец, наш товар вам продам. Денежка к денежке. Нам ваши деньги, вам наш товар! Аминь». Во всяком случае в порту его авторитет от торговых сделок не пострадал.

И перед самым отъездом тёща не уставала нашёптывать: «Я в пути, Иисус Христос впереди, Богородица со мной, Апостол за мной. Аминь».

Герка с Юриком повторяли заговоры бабушки, старший с поддёвкой, младший воодушевлённо. Порой сыновья поддразнивали друг друга словами заговоров, на что Федора лишь отмахивалась: «Нехай балуют, что да израстёт».

Сейчас Василий усмехнулся, вспомнив, как на пароходе «Ломоносов» тёща затянула целую приговорню, заставляя ребятишек повторять за собой: «Еду я из поля в поле, в зелёные луга, в дальние места, по утренним и вечерним зорям, умываюсь ледяною росою, утираюсь, облекаюсь облаками, опоясываюсь чистыми звёздами. Еду я во чистом поле, а во чистом поле растёт одолень-трава. Одолень-трава! Не я тебя поливал, не я тебя породил! Породила тебя мать – сыра земля, поливали тебя девки простоволосые, бабы самокрутки. Одолень-трава! Одолей ты злых людей: лихо бы на нас не думали, скверного не мыслили, отгони ты чародея, ябедника. Одолень-трава! Одолей мне горы высокие, долы низкие, озера синие, берега крутые, леса тёмные, пеньки и колоды. Иду я с тобою, Одолень-трава, к Окиан-морю, к реке Иордану, а в Окиан-море, в реке Иордане лежит бел горюч камень Алатырь. Как он крепко лежит передо мной, так бы у злых людей язык не повернулся, руки не поднимались, а лежать бы им крепко, как лежит бел горюч камень Алатырь. Спрячу я тебя, Одолень-трава, у ретивого сердца, во всем пути, во всей дороженьке».

Слова заговора на дорогу ребятня повторяла с припевом, прыгая на нарах в трюме парохода, пока их не угомонила бортовая качка. Василия морская болезнь не брала, но дорожный заговор нудел в голове до самого Владивостока.

2

И сейчас, когда поезд отошёл от вокзала, тёщин заговор стал повторяться под стук колёс, как назойливая песня с похмелья. Пришлось выбросить папиросу и вернуться в вагон, где все утрясалось и в крайнем отсеке пассажиры перезнакомились друг с другом, в чём им содействовал расторопный проводник Денис.

В семейном купе Гнездовых на столике уже возвышался большой медный чайник, вокруг которого ярким хороводом выстроились чашки японской работы и был нарезан хлеб с кусками копчёной горбуши. Федора колола кусок сахара на мелкие дольки щипчиками и уже приглашала соседей на чай, представляя их поочерёдно Василию.

Первым с боковой полки соскользнул бородатый рыбак Иван Альбертович Кунц, который объяснил, что спросит в вагоне-ресторане чего-нибудь покрепче, и удалился.

Военный моряк с продольной полосой на погонах, мичман Тимофей Демьянович Корзун, передал чашку девушке с Камчатки, русоволосой и курносой Арине, потом взял сам.

Морщинистый мужчина с седыми клоками волос в шевелюре. Трофим Иванович Тищенко, принял чашку с чаем, как драгоценность.

Представительная пара с Курил Эдуард Забродский и жена его Зинаида послали за чашками и бутербродами худенькую дочь Сашу.

Познакомившись с соседями, Василий тоже взял полную чашку чаю, заваренного Федорой с душистыми травами. Антонина протянула мужу кусок хлеба с балыком, как награду за удачную посадку в поезд. Юрик тут же подал отцу кусок сахару побольше и доложил с шепелявым проглотом:

– Папка, теперь Герка пристроился рисовать до самой Москвы!

– Помалкивай, Чилим! – буркнул брат, который уже зарисовывал что-то в свой объёмистый альбом. – Могу рисовать и в туалете, когда есть чего...

– Эта дорога требует большого таланта, по себе, – заметил Василий и уселся чаёвничать на чемодан. – Мы с мамкой вашей и бабушкой едем по ней не первый раз. И вам надо к ней природниться, детки-заедки, в жизни может очень даже пригодится. Скажи, Тоня!

– Век бы не видеть этой длинноты, – отозвалась Антонина, одёргивая свою телогрейку, которая топорщилась под плащом. – Хвала Господу, заработали себе на возврат в родные места. Сколько можно мотаться по белу свету? Наездилась до лихоты!

Василий хотел едко переиначить: «До очень хорошего куша доездилась, мать!», да тут Федора урезонила дочь:

– Семью наездила, милая, сынков каких бравых нарожала, – да не последних, ещё будут внучатки мне, даст Бог.

– А мы на колёсах, можно сказать, родню себе набиваем, – подхватил проводник, появившийся из служебного купе с веником. – Сколько их по памяти привозишь из каждого, считай, рейса, всяких-разных, занятных, бедовых, фартовых, а то и бедолаг... – Денис загляделся на свой веник, словно вобравший в себя память о пассажирах всех его рейсов, и добавил: – Вот и вас уже числю в своём списке, особенно ближних к служебке, которые транзитники.

– Все под Богом ходим, – заметила Федора и подала проводнику чай с бутербродом, отобрав у него веник.

Денис присел на баул Гнездовых, втянул клювастым носом запах балыка и закрыл глаза от удовольствия.

– Ох, и хороша сахалинская рыбка, – протянул проводник густым голосом, – и чаёк запахом шибает фартовым!

– Это раньше бродяги бежали с Сахалина с пустой котомкой на плечах, – заметил Василий. – Теперь и вербота получает подъёмные.

– А сколько народу провезли по этим рельсам без подъёмных, – вступил в разговор седоклокий Трофим, посмотрел в окно на подступившую тайгу и проронил: – Без возврату...

Все припали к чашкам, и стало слышно шорканье веника, которым Федора собрала мусор в двух крайних купе. Выбросив ненужное в печурку под титаном, помощница вернула веник проводнику и обратилась к Трофиму:
– Тем царство небесное, а нам разживаться ещё на новине.
– Кому и возвратиться придётся, – улыбнулся мичман Тимофей во всё своё круглое лицо в конопушках, – к примеру, как мне из отпуска на корабль.
– А я еду в старый наш домишко, – вздохнула глазастая Арина, – к маме.
– Ну, мы не зря трубили на Шикотане, – подала басовитый голос Зинаида Забродская. – Имеем право капитально осесть в белокаменной!
– Сашеньку подлечить надо, – поправочно добавил Забродский, – островные врачи и диагноза установить как следует не могли, а её время от времени...
– Папа! – осекла отца дочь, и косички её с алыми ленточками гневно затряслись.
Зинаида привлекла дочку к себе, погрозила мужу крупным пальцем и доложила:
– Японские таблетки помогают, да ведь и там достать их – только по блату.
Блат, он выше наркомата, – согласился Василий, и все засмеялись.
И тут Юрик обезьянкой юркнул к отцу на колени.
– А бабушка без таблеток и блата мне лишай вылечила, помнишь, пап? – прошепелявил он.
Общий смех заставил смолкнуть насельников ближних купе, а проводник протянул мальчишке плитку соевого жмыха.
– В войну мы эту макуху ели – ничем не болели, – напомнил Тимофей. – Нам в детдоме соевый жмых был вместо конфет. Ребятишкам – никакого разладу, одна пользительность, – согласилась Федора.
– Только на двор потом трудно ходить, – со знанием дела проговорил Герка, вызвав новый взрыв смеха.
Юрик же, не обращая внимания на общее веселье, деловито разделил бурую плитку на три части, поделившись с братом и Сашей.
– Смотри-ка сорокнул оголец! – восхитился Тимофей. – Это по-нашему, по-детдомовскому и по-флотски!
– Бабушка учила с детства делиться, – сообщил Юрик и добавил: – По-божески.
На этот раз взрослые только улыбнулись, а Федора поправила свою тёмную косынку и сказала:
– По-православному жили и среди японцев да корейцев, хотя церква у них с кривой крышей. Теперь на свои кресты помолиться можно...
– Развалы, да свои, – проронил Трофим, повернув пятнистую голову к окну. – Сколько их будет вдоль нашей дороги...
– Товарищ Сталин разрешил богослужение ещё во время войны, – раздался ломкий голос второго проводника Мишки, который незаметно подтянулся к компании. – Молись, хоть лоб разбей.
– Свобода совести, – подтвердил Забродский, отбросив очками сполохи зари за окнами, – в конституции записано.
– Эдик! – позвала Зинаида мужа в своё купе, усадила его в угол и стала нашёптывать что-то про политическую осмотрительность.
– Где и поговорить, как не в поезде, – не выдержал Трофим, покосившись на Забродских. – Здесь только колёса стучат, а кончится дорога, до свидания, транзитники, – аля-улю!
– Ну, это как сказать, – возразил Денис и постучал себя по лысеющей голове. – Вы у меня вот где крутитесь подолгу...
– И в пути должен быть подобающий надзор за каждым пассажиром, – добавил Мишка, лицо которого розовело и в сумраке вагона. – Отвечаем тут за все и за всех с Денисом Аверьянычем.
– Прямо как вертухаи в местах не столь отдалённых, – усмехнулся Трофим, – куда ни кинь, везде клин!

– На железной дороге дисциплина железная, – напомнил Денис, – иначе такие ферты начнутся!.. Дойдёт до сплошного разора, как в темных переулках...
Словно в противовес слов проводника в вагоне загорелись лампочки, и пассажиры встретили красноватый свет ликующим возгласом. А в руке Трофима сверкнула бутылка с белой головкой, и Седоклокий, как мысленно обозвал соседа с зековскими ухватками Василий, предложил:
– А за начало большого пути не принять ли нам, граждане, по соточке?
– В меру не возбраняется, – разрешил Денис и первым подставил свою чашку под струйку из бутылки.
Мужчины транзитного кутка последовали за проводником, не отстал и проработанный женой Забродский.
А Федора нарезала на стиральной доске новую порцию хлеба с балыком, подала поднос мужчинам и посоветовала:
– Без закуски пить – собак травить!
– По карточкам-то много не закусишь, – заметил Мишка, вгрызаясь в бутерброд крепкими зубами.
– Есть сведения – скоро отменят карточную систему, – сообщил Забродский и тут же смолк под тяжёлым взглядом жены.
– А по мне, так пусть карточки при свободной коммерческой продаже, – рассудил Василий.
– Это какие же деньжищи получать надо?! – ахнул Денис.
– А не зевай, Фомка, на то ярмарка! – подмигнул Василий под свою любимую приговорку из распространённого анекдота и услышал упреждающий кашель жены.
Антонина предупреждала супруга, чтобы он не распространялся на предмет «ярмарки», где и как зарабатываются большие деньги. Под рюмку муж мог проговориться про свои накопления, а это ничем хорошим не могло обернуться и в приличном окружении. «Люди с виду симпатичные, – прикидывал Василий, – да долгое поездное безделье может обернуться по-разному. Седоклокий уже настораживает своим обликом и разговорами. Главное, не дать своему денежному скраду попасть под чей-нибудь щупающий взгляд. Иначе денежкам хана, и вся затея с переездом пойдёт под откос у нашего семейства!»
В это время из противоположного конца вагона потянуло сквознячком, подправленным кисло-дымным душком туалета, и появился побирушка в тёмных очках с гармонью. Слепца вёл мальчишка в бушлате и большой шапке. Заиграла гармонь, и слепой с поводырём запели жалобными голосами:
Глухой неведомой тайгою,
Сибирской дальней стороной
Бежал бродяга с Сахалина
Звериной узкою тропой...
Гомонящий вагон сразу притих, пассажиры умолкли и насторожились, будто пара несла весть о крушении. Нищие и в самом деле напоминали о недавних годах войны, разлук, лишений, голодовок, потерь, перемещений, увечий... И каждый старался побыстрее сунуть слепцу мелочь, чтобы пара быстрее проходила дальше, унося знак беды.
Певцы привычно подходили к голове вагона, жадно принюхиваясь к запаху дорожного застолья.
Василий не жаловал побирунов, подозревая во многих лодырей и хитрованов, но по опыту знал, что его тёща не преминет угостить парочку.
Федора и в самом деле придержала слепца с поводырём, усадила их на узлы и наделила кусками хлеба с балыком. Трофим плеснул в чашку водки, поднёс старшему и спросил:
– Фронтовик?
Слепец кивнул и чокнулся с Денисом в подставленную чашку.
– Прими, Федотыч, водчонки от добрых людей за нелёгкий ваш промысел, – как, видно, знакомому по дорожным встречам предложил проводник.

– Да уж куда как нелёгкие, Денис Аверьяныч, – согласился слепец, выпил и с наслаждением откусил от ломтя. – Оно бы сидеть у печки, принимать наркомовские сто грамм и рассказывать Антошке, как наши танки шли напролом по полям сражений. Ан нет, капиталы инвалидные не позволяют рассупониваться, надо перескакивать с поезда на поезд, ещё конкурентов обгонять. Много нашего брата развелось по железной дороге, вот и кидает пассажир одну мелочь. Обеднел народ после войны вконец, люди добрые.
– А у нас много денег, – объявил неожиданно Юрик своим писклявым голосом. – Мама, покажи денежки! Папа, у нас же много их! Дайте денег дяде и мальчику!
Василий сделал вид, будто сын лопочет про карманные деньги, вынул трёшку и отдал её своему младшему. Вразумительно прижав Юрика к колючей щеке, отец ущипнул его и предложил:
– Сам подай дяде! Он купит Антошке петушка на палочке.
Юрик оглядел зелёную трёшку, сморщил нос и заявил:
– Это маленькая денежка. Дай большую, красивую...
– Ту заработать надо, сынок. – Василий передал трёшку поводырю и подтолкнул Юрика к матери, которая привлекла его к себе и зашептала ему на ухо свои поучения.
Федора между тем нарезала ещё хлеба и рыбы, предлагая:
– Ешьте вволюшку, почтенные, чем взаправду богаты, тем и рады.
– И деньгой богаты, – не унимался Юрик.
И тут Герка затмил лепет младшего, развернув свой альбом перед компанией, которую и начал зарисовывать. На рисунке уже чётко проступал проводник в фуражке, Трофим с морщинистым лицом и слепец в темных очках... Гул одобрения заглушил голос Юрика, но тот вдруг отчаянно потребовал:
– Папка, тогда мороженое!
По вагону как раз проходила деваха с корзиной мороженого, которое охотно разбирали демобилизованные солдаты и матросы. Дембели заигрывали с мороженицей, и, казалось, она не донесёт свой товар до крайних купе. Однако мичман сходил сам к девахе, отдал ей деньги и принёс целую охапку вафельных стаканчиков с белоснежным содержимым. Свалив мороженое на столик, Тимофей обмахнул его широким жестом и предложил:
– Угощайтесь, товарищи! Сам люблю мороженое. Детдомовская мечта! И на корабле снились такие вот стаканчики.
– На военном корабле? – спросил Юрик, слизывая шапочку мороженого. – С пушками и торпедами?
– За стрельбы и поощрён командованием отпуском с денежной добавкой, – похвастал Тимофей, по-мальчишески улыбаясь во всё своё конопатое лицо.
– Везёт же людям на разные добавки, – проронила Зинаида, с хрустом вгрызаясь в мороженое. – А мы отбухали на острове в банке два года, а похвастать лишним рублём – увы!
– Я на рыбном промысле хотела заработать деньжонок, чтобы больную маму поддержать, – призналась Арина и откусила от стаканчика краешек зубами белее мороженого. – Да уяснила только: длинный рубль не свяжешь, как вещь какую...
– Зато у нас длинный срок вяжется запросто, – словно сам себе, сказал Трофим, выпил водку и схрумкал мороженое, как рядовую закуску.
Все умолкли, сосредоточившись на белых стаканчиках, пока охмелевший Забродский не возразил с опозданием жене:
– Ну и накопила бы чемодан денег, Зинуля, а тут реформа!.. О здоровье думать надо, а не о тленном!.. Реформа, она грядёт! Не только в денежном смысле! По всему спектру нашей жизни ударит! Важная реформа, товарищи!..
Все оторвались от мороженого и уставились на соседа с перекошенным галстуком, будто Забродский сообщил о предстоящем крушении поезда.
– Эдуард! – пыталась остеречь мужа Зинаида, но тот уже начал распространяться о денежных массах, скопившихся после войны, которые следует окоротить.

– Инфляция и девальвация в стране такая, – объяснял Забродский, – что дальше расти длинному рублю некуда! Надо его сокращать в серьёзной пропорции.
– И что, скоро намечается такая реформа? – бросил Василий небрежно.
– По всем показателям – в недалёком времени, – ответил финансист и допил водку.
– Неужели лопнут деньги? – ахнула в своём углу Антонина. – Это же как нам притулиться тогда на родине?
– Завтра и объявят реформу, – язвительно возразил жене Василий и добавил: – Это сколько же одной бумаги надо, чтоб поменять дензнаки во всей стране!?
– Если умные люди говорят... – заикнулась Антонина.
– Нагадали козе смерть – она бегает да – пердь! – урезонила дочку Федора под общий смех.
Забродский поправил галстук, протёр очки и попытался доказывать свою правоту, но жена схватила его в охапку и унесла на полку. А слепец заторопил поводыря:
– Пошли, Антон, собирать свои копейки, а добрым людям пожелаем доброго пути.
– Христос с вами! – перекрестила пару Федора. – Вот божья леформа людям ой как годилась бы...
Не успели побируны в сопровождении проводника и Герки с альбомом уйти в тамбур, как в другом конце вагона разнёсся нетрезвый голос:
Летят перелетные птицы
В туманной дали голубой...
Это возвращался, цепляясь за полки, рыбак Иван Кунц. И соседям предстояло укладывать пьяного бородача на его боковую полку.
Жизнь в поезде дальнего следования утрясалась своим порядком, и огоньки проплывающих за окнами станций приветственно помигивали пассажирам.

3

Перед Хабаровском ранним утром Василий проснулся с ощущением своих, как бывало в блиндаже на фронте. Он выспался на полке, укрывшись шинелью, без острой тревоги за Антонину с телогрейкой. И вспоминать было муторно, как до этого приходилось бодрствовать в многолюдном тёмном трюме парохода, на скамейках вокзала Владивостока, где рыщут пристанционные урки с шныряющим взглядом и отработанным хапком, и при бурном штурме вагона.
А в это утро и вся семья проснулась рано, домочадцы скучились у окна и разглядывали наплывающий предрассветный город, тихо переговариваясь.
Василий по себе судил сейчас о чувствах, с которыми семья встречала родной город, покинутый два года назад. Здесь, в Рабочем посёлке, оставался их неказистый домик-засыпнушка с огородом, кормившим семью без хозяина в годы войны. Ребятишек поила своим молоком пегая коза Катька, которую пришлось продать соседям перед отъездом на Сахалин. Она, верно, наплодила теперь козлят, и Герка с Юриком пытались различить в утреннем смешанном стаде посёлка знакомую масть.
Сам Василий неотрывно смотрел во время остановки на знакомое здание вокзала, с которым были связаны многие памятные приезды и отъезды. И когда поезд уходил в сопки, сахалинец до конца провожал взглядом верхушки мачт радиоцентра, который как будто посылал ему сигналы родственного свойства.
Василий помнил как первый шаг по дальневосточной земле, так и каждый кирпич, вложенный в здания радиоцентра и жилых построек, которые возводила вербота тридцатых годов. Тогда они и соединили свои недотёпистые судьбы с Антониной, поженились и обосновались сначала в многоместной палатке, потом в бараке за ситцевой занавеской, а после выстроили свой домишко в Рабочем посёлке. И не думалось, когда утрамбовывал шлак с опилками в дощатые стены засыпнушки, что неказистое строение станет до слёз родным. Не предполагал хозяин, как будет мерещиться тот засыпной четырёхстенник потом в огневом Сталинграде, на Курской дуге, при форсировании Днепра, в Ясско-Кишенёвских боях, в Венгрии, Румынии, Австрии... Когда продавал дом перед отъездом на Сахалин,

выбирал серьёзного хозяина, проговаривал с ним каждую мелочь в хозяйстве и указывал на малейшую ущербинку, что требовала поправки. И теперь тяжело было поднять взгляд на Рабочий посёлок, будто снова отрывалась от сердца частица... Только мысль о главной встрече впереди рассосала комок в горле, заставила вернуться в вагонный обиход и дать знак семье: «Отдыхать!»

Вынув портсигар, Василий собрался было в тамбур перекурить нахлынувшие воспоминания, но блеск крышки напомнил ему отсветы очков Забродского и вчерашнее сообщение того о денежной реформе. Новый поток тревоги остановил сахалинца, заставил его перебирать в мыслях все доводы в «танкоопасном направлении». «Если реформа не за горами, – прикинул Василий, – то быть беде!»

В случае обмена денег в меньшую, конечно, сторону следовало распрощаться с мечтой о своём доме, хозяйстве и обустройстве на родине. В отцовском доме добротного житья быть не могло – двум семьям в куцых комнатах не разойтись. Тогда собирайся, Василий Сергеевич, в новую вербовку!..

А годы уже не те, чтобы разъезжать по необъятной стране. По молодости было даже весело менять направления вербовок, поезда, стройки, бригады, профессии, палатки, бараки, товарищей... Стычки между верботой, и те приносили опыт для дальнейшей жизни. До сих пор вспоминался Василию с острым холодком у сердца кривой нож, который прошёл через перегородку в хабаровской общаге с соседской стороны – каким-то сантиметром ошибся разъярённый приятель, целясь на слух в Ваську. Это воспоминание будоражило даже после стычки с эсэсовцем в курских полях, когда в узкой ячейке он, опередив группу захвата, схватился с немецким амбалом, а тот удачно поймал разведчика за горло. Тогда, уже оседая в мертвящей зыби, Василий нащупал нож за голенищем и ударил немца в пах... «Нет, несись, паровоз, стучите, колеса, надо семью довезти до родины вместе с полноценной телогрейкой!» – эта мысль вырывалась под встряски вагона, как будто детонировал мозговой заряд.

«Опять же Юркин проговор ни к селу ни к городу, – вспомнил Василий. – Надо нацелить Герку на братца, чтоб меньший про деньги забыл и вспоминать!»

А старший уже возился со своим альбомом, что-то дорисовывая ни свет ни заря. Отец взглянул на рисунок через плечо художника и оторопел. На картинке была изображена вчерашняя компания в полном составе. И остроглазый Герка подметил такие моменты, какие разведчик не мог заприметить в пылу разговоров.

Бравый мичман усердно придерживал за талию Арину.

Подкатывала васильковые глаза под козырёк косынки Федора от какого-то замечания Трофима, клоки седин которого были вырисованы с особой скрупулёзностью.

Забродский скорчился под неистовым взглядом усатой Зинаиды, за которой маячила бледная Саша со своими косичками.

Юрик смеялся над поводырём Антошкой, прячущим в шапку хлеб.

Денис что-то говорил под ухо побируну с гармошкой, а у слепца косили глаза из-под тёмных стёкол очков.

Мишка наблюдал за всеми, прикрываясь веником.

Отца Герка изобразил с чашкой над бутылкой водки.

На картинке не хватало Антонины, которая не покидала своего угла.

Василий понял, что сын старается и на зарисовке не выпячивать мать с её семейным секретом. Отец потрепал художника по чубку, показал большой палец и похвалил шёпотом:

– Прямо как сфотографировал ты наш куток, Герасим... Талант у тебя без сомнения, сын. Может, ковры начнём рисовать, а? С русалками, лебедями, заморскими штуковинами! Ходовой товар на барахолках! Всегда при деньгах будем! Никакая инфляция- девальвация не страшна!..

– Я художником хочу стать, а не барыгой, отец, – вразумительно ответил Герка. – А денег у нас пока в достатке.

– Так-то оно так, Герок, – пробормотал Василий, – да всякое может случиться... Сам слышал, поди, про реформу... Может наши деньжонки в мусор превратить...
– Что там реформа, – отмахнулся Герка. – Уворовать могут запросто наш запас, если рот разевать будем...
– Юрик вчера немного того... – посетовал Василий.
– Даже проводник заинтересовался, – доложил Герка. – У слепого спрашивал в тамбуре, могут быть у нас деньги крупняком, по слуховому подозрению Федотыча?
– Ну, проводник должен быть ориентирован в пути во всех смыслах, – заметил Василий. – Всякое может случиться – ему отвечать за порядок в вагоне.
– А ты лишнего не позволяй, пап, – предупредил Герка, ткнув карандашом в бутылку на рисунке. – Можем без телогрейки остаться...
– Ну, батя ещё не изболел у вас, сынок, – запротестовал Василий и обнял Герку. – И ты у меня, вижу, разведчиком растёшь. Так держать, Герасим!
– Не зевай, Герка, на то ярмарка! – отрапортовал сын отцовской поговоркой, подвинулся ближе к окну и задел боковую полку с храпящим Кунцем.
Рыбак вдруг вскочил, выпучил глаза на соседей и замычал:
– Где мой бумажник?.. Нету!.. С деньгами был... Пропал!..
Василий извлёк окурок из всклокоченной бороды соседа, одёрнул тельняшку на животе рыбака и посоветовал:
– Ищи лучше, Иван, вчера по пьяни мог засунуть в щель.
Кунц обхлопал себя, полку и бушлат – хриплый вздох вырвался из его спёкшегося рта:
– Вася, грабанули меня!.. Двое хлыщей крутились возле меня в ресторане... Провожали потом...
– Один ты пришёл, Иван, сильно навеселе.
– Они отвалили с моим бумажником... Теперь ищи-свищи...
– А документы?
– Ксивы я занырил, энзешные деньги тоже, да ведь обидно, Вася, за каждый заработанный рубль!
– От нашей команды оторвался, тихоокаянец!
– Не углядел сразу спайки тут...
– Теперь умнее будешь, рыбак?
– Опохмелиться не составишь компанию, Вася?
– Это успеется... с позволения проводников.
Василий приложил указательный палец к губам, указывая большим на жену за спиной.
Антонина вставала, подозрительно прислушиваясь к переговорам мужа с бородачом. Однако вагонное радио заглушило голоса потерпевшего и утешителя бодрой песней:
Эх, дорожка фронтовая,
Не страшна нам бомбёжка любая!
Эх, помирать нам рановато –
Есть у нас ещё дома дела...
Соглашаясь с песней кивками головы, к ранним собеседникам подсела Федора, подала Кунцу чашку холодного чая и сказала:
– Не бедуй, Иван, о пропаже, по всей видимости, потеря твоя невелика, пусть злыдни попользуются – считай, подал убогим, каким сам Господь велел подавать. Трошки потерял – не убудет, твой убыток – по сравнению с тем, что я потерпела от Большого Злыдня, малость. Послухай, какой свирепый вихорь прошёлся по нашей деревне в коллективизацию – вот где Злыдень жатву свою сполна собрал – страх Божий попомнить...
Василий не раз зарекался переслушивать горемычную исповедь тёщи, да Федора, потянув косынку на глаза, начинала её издалека таким доверительным голосом, что слушатели невольно уносились в мир деревенской жизни, принимая близко к сердцу бедственные бывальщины. И сейчас оба крайних купе с боковыми полками настроились на речистый обсказ событий из жизни крестьянской семьи деревни Нечаевки.

Неприметное поселение черноземной полосы в рассказах бывшей жительницы под стук и раскачку поездной махины ярко представлялось слушателям с избёнками под соломенными крышами, церковкой и школой-каменушкой. В церковь надо было ходить до скончания века, а школу крестьянские дети посещали одну-две зимы – руки требовались по хозяйству.
«Читать-писать научилась и хватя», – объявили Федорке в её большой семье после двух зим учёбы.
Пришлось девчонке взяться за крестьянский гуж, благо, пахать, боронить, сеять, жать, молотить, ходить за скотиной и нянчиться с меньшими была приучена с малолетства. А девочки в деревне сызмальства трепали лён, сучили пряжу, ткали холсты, выбеливали их и шили. На зимние посиделки оставалось мало времени.
Да заведённый уклад требовал своего, и Федора в раннем девичестве вышла на поглядки. Вскоре видная девка приглянулась парню из такой же многодушной трудовой семьи. По заведённому порядку семьи сговорились, обвенчали молодых и сыграли свадьбу.
Отец жениха, как водилось, отделил Фрола с его молодой женой в избёнку на краю Нечаевки, куда ветерок доносил с полей запах жита, переливы жаворонков и урканье квакунов-миронов из пруда под окнами.
Новая семья зажила по искони заведённому обычаю, душа в душу, справно, не хуже других. Детки пошли один за другим – добрый прибыток, когда сыновья, да и от девок не откажешься, коли Бог послал.
Да напасть обрушилась свинцовой глудкой на Нечаевку, как и на всю Россию-матушку: началась война с германцем. «Господь никак уступил Расею Большому Злыдню за грехи наши», – горевали бабы.
Заголосила и вся деревня – повезли мужиков на подводах в Белгород, а оттуда поездом на германскую войну.
Сгинул Фрол, как многие мужики, в окопах где-то в Галиции, как донесли живые, возвратясь с фронта после отречения царя- батюшки.
Революция и Гражданская война в деревне помнились по налётам лихих банд на деревню с захватом лошадей, скота, продуктов.
После драк, грабежей, выстрелов и каждодневных похорон в деревне мало-помалу снова установился мирный уклад. Тут к Федоре и прибился вдовец Савва при двух детях. «Теперича не было пышного обряда, как с Фролом, – вспоминала со вздохом рассказчица. – С первым женихом всё по старине шло. Перед венчаньем посадили нас с Фролушкой рядом на меховой подстил. Свахи мне волосы расчесали, обмакая гребни в ковш с вином да осыпали нас житом с деньгой. Две свечи зажгли свечечкой богоявленской, слепили их вместе да в кадке с житом поставили в сенник, где приготовили нам постелю. Годок стояли те свечи, сулили нам долгий век, да оборвала его война...»
Худо-бедно собралась опять семья в избёнке рядом с болотом, откуда по весне снова нёсся лягушачий гвалт, а зимой детишки раскатывали ледяные прорехи между лафтаками камышей. И во всей Нечаевке стала налаживаться жизнь, устанавливался хозяйственный уклад и подрастали едоки в семьях. После морока Гражданской войны пришла сытая жизнь и в семейство Федоры да Саввы, клуня забивалась снопами до потолка, обмолот походил на праздник, где поочерёдный перестук цепов звучал веселее иной разудалой музыки: «Тук-тук, цок-цок, тук-цок!..» Жеребчик Гнедко выдался у хозяина Саввы на загляденье всей деревни. «Вывезет бывалоча на маслёнку мой мужик ребятню покататься, – мечтательно выводя глаза под козырёк косынки, вспоминала крестьянка, – посмей перегнать его другой бегунок – не уступит и трохи дороги...»
Посторониться пришлось всей семье перед автомашиной, на которой по пыльному шляху прикатили из города агитаторы в кожаных куртках с лозунгом: «Даёшь колхоз!». Кое-какая беднота сбилась в колхозный гурт – все одно лежебочить. А справные семьи решили держаться единоличия, которое вроде бы разрешалось трудовым не шибко богатым сельчанам.

Да против единоличников вставала вся политика государства через налоги, которые выколачивала из хозяев деревенская голь-беднота.
Для начала раскулачили тех, кто был побогаче, на радость голытьбе. А колхоз не справнел, только хирели в нем обобществлённые голодные коровы. Тогда все деревенские вахлуи объединились вокруг комсомольского активиста Романка, стали с гоготом шляндать по деревне и прибирать у единоличников последнее добро. Забирали сначала лошадей, крупный скот, ссыпали зерно, под конец уводили последнюю козу, вылавливали кур... Тут в подспорье активистам случился недород. Люди стали пухнуть и мереть с голоду. Шабай Федулка не успевал свозить на кладбище покойников, хороня их в дерюжке.
Федора отправила в последний путь Савву, один за другим преставлялись дети, моля кусочек хлеба... Уже в голодном мороке младшенькая Тоня подписалась у вербовщика, который приехал на мотоциклете к ним по шляху из города. У матери хватило сил перекрестить дочку в дальний путь, уронить слезу да припасть к чашке овсяного киселя, который сварил сам вербовщик из своего запаса половы.
– Век буду молиться за того вербовщика Кузьму, – завершала Федора свою бывальщину. – Его сам Господь Бог послал за все наши беды и муки. С его киселя да подъёмных денег за дочку и я одыбала. Тоня тоже очапалась, собралась в дальнюю дороженьку и там Василя повстречала прямо в поезде. В Хабаровске зажили своим домком, детки народились, меня к себе вызвали. Да тут опять Большой Злыдень с войной подоспел. Увезли нашего мужика по этой дороге в военном ешелоне на фронт да на четыре года. Слава Богу, мои молитвы дошли до Господа – вернулся Василь домой, хоть и с осколком невынутым. Иные фронтовики с трофеем прибыли, а наш выставил три банки консервы да глудку сахару детям. Что дале балакать, когда сплошь нужда, а тут вербовка подсуропила на Сахалин, освобождённый от японца. По разговорам выходило, жизнь там на повышенную зарплату, рыбы – море кипит, картошка родит... И вправду, вербовка опять оправдалась... Да ветерок с материка в расейские края позвал, к родным вётлам да могилкам. Выходит, выжила семья супротив намерений Большого Злыдня.
Кунц с чувством поднял чашку, будто в ней было вино, и залпом выпил холодный чай.
– Возвратимся в Расею, – улыбнувшись, продолжала Федора, – сладим новое гнездо. Как погорельцы бывало, поездят по миру, насобирают кто что подаст и отстроются на старых курушках. Лишь бы семейный ключик не иссяк. А Большой Злыдень, он до самого сердцевинного добирается – до семейной крепости. Родного брата моего Авдея, посудите, затянули в годину коллективизации активисты, наобещали три короба светлой будущности, да чтоб ради неё кончал единоличников. Вот Авдейка и старался изо всех сил, меня, сестру, пришёл кулачить, последнюю козу увёл с матерками да посулами изничтожить нас до последнего подкулачника. А Господь свою будущность братцу назначил: такую лихоманку схлопотал активист, что лекарь не мог распознать. Чирьями изошёл Авдей, орал благим матом, прощения просил у меня через людей... Преставился брат без отпущения грехов, будто чумная скотина. А мы худо-бедно очапываемся, надежду имеем на новину, чтоб унукам моим Божья будущность заиграла, как солнышко на Пасху.
– Ну, и мне след держать руля на солнышко! – встрепенулся Кунц, поднимая над головою яркую чашку. – Пусть не пасхальное, а моё тральное!
Василий одобрительно подмигнул рыбаку, достал портсигар и щёлкнул им, предлагая курево соседям и проводникам.

4

К вечеру Кунц утихомирился, купил водки и пригласил к проводникам Василия, Тимофея и Трофима.
– Смыть позор треба, – объяснил рыбак, выставляя на столик бутылку. – Обшманали, как цуцика, теперь учёным буду.

– В поезде коробчат мастера, – заметил Денис, окружая бутылку стаканами в подстаканниках и кульком сушёных кальмаров. – Недавно у меня случай в вагоне был очень забавный. Один дядя командированный прикорнул на средней полке – чемодан под головой. А внизу ханурик скрадывал дядю. Как только командированный захрапел, нижний ловкач потянул у него сапог. Дядя проснулся, да не подал вида: пусть де стягивает сапоги – возьмём на месте преступления. – Денис изобразил процесс стягивания сапог на Мишке, который отдыхал на средней полке, выпятив розовое ухо. – А ханурь оставил первый сапог на половине, подтянул так же и второй. Потом выдернул чемодан из-под головы дяди, выскочил в тамбур и этаким фертом аля-улю. А гражданин растянулся в проходе в полуснятых сапогах. Только и пришлось посочувствовать ему – не сдёргивать же стоп-кран по такому мелкому разору.

И нам только и остаётся бабахнуть горючки, – вздохнул Кунц, разливая водку по стаканам.

– Тем более – станция Амазар! – объявил проводник, поднимая стакан. – Вернее, чем знаменит этот перегон! Подъезжаем к великой скале! К самому Сталину!

От такого известия Мишка спрыгнул с полки, и все взялись за стаканы, глядя в темнеющее окно.

Вдруг свет прожекторов выхватил из скальной громады фигуру вождя в профиль.

– Товарищу Сталину слава! – огласил служебку голос Мишки, и все, кроме Трофима, сдвинули стаканы в пучок.

И выпить Трофим не торопился, хмуро провожая столб света в скалах.

– А ты что же, дядя?.. – поинтересовался Мишка, когда смолк приветственный гудок паровоза.

– Я друга потерял на этом генералиссимусе, – выдавил Трофим, раскручивая стакан в ажурном подстаканнике. – Делал его настоящий скульптор, а я на подхвате был как горняк...

– Так зеки же мастрячили! – заметил Денис.

– А мы и были тут бамовские зека, – пояснил Трофим, – досрочку получили за вождя, только скульптора в гробу на волю вынесли, а меня на поселение...

– Не туфтишь ты, седоклокий? – засомневался Василий. – Это такую работу вдвоём?..

– Поспешали – вот он и поскользнулся на плече во время дождя, – проронил Трофим, вынул из кармана хебешной куртки бумажную четвертушку и подал её Денису. – Вот ксивка на память...

Проводник поднёс листок к окну, с суровым видом развернул его и стал читать по складам:

– ...настоящая выдана Мищенко Трофиму Ивановичу в том, что вышеозначенный, отбывая срок в колонии... по статье пятьдесят восемь... пункт... проделал ответственную работу по созданию скульптуры товарища И. В. Сталина на скальной основе, за что досрочно освобождён... Печать... Подписи…

Справка прошлась по рукам остальных, вызывая гул восхищения. А Трофим капнул на пол из стакана, выпил и запел хриплым голосом:

А привезли нас на БАМ
И сгрузили нас там...
Кличка станции той Ураган,
И работали с утра до ночи,
Получая за всё триста грамм...

– Зато бамовские рельсы какую службу сослужили под Сталинградом, – заявил мичман. – Замполит нам докладывал, как наши железнодорожные войска из этих рельсов подтянули дорогу к фронту, незаметно подвезли войска и окружили немцев... Значит, здесь положено начало разгрома немцев под Сталинградом!

– А сколь наших положено в этих сопках! – проговорил Трофим плачущим голосом.

Остальные скосили глаза на стаканы, и Кунц разлил остатки водки.

Однако в это время из вагона донёсся детский крик:

– Украли!.. Ой, чемодан наш!.. Держите-е-е!..

Василий первым рванулся из служебки на вопль и увидел Сашу с Юриком, которые пытались поймать чемоданчик, застрявший в открытом окне. Его тащили с крыши вагона за якорёк на гибкой трости.
Пока Василий отставлял мешающих детей, чемодан мелькнул в вышине стальными уголками.
– Крышники! – крикнул он подбежавшим соседям и проводникам. – На перехват давай!
Все бросились к тамбурам, но вскоре возвратились с виноватым видом к Василию, который утешал плачущую Сашу.
– Мамка с папой пошли в ресторан покушать, – объясняла девчонка сквозь слезы. – А мне туда нельзя по здоровью. Я и открой окно на Сталина посмотреть. Закрыть забыла, а сверху эта цапка... Теперь мамка убиваться будет...
– Успокойся, Сашок, – оглаживал её косички Василий, – главное, тебя не вытащили уркаганы.
– Тут я подоспел, – сообщил Юрик, – а чемодан уже высоко...
– Наше окно сначала скребнули кошкой, – добавил Герка. – Прямо циркачи.
– На ходу с вагонов прыгают, – подтвердил Денис.
– Что же милиция их не ловит? – громко вздохнула Антонина.
– Большой Злыдень укрывает их, – по-своему объяснила Федора, которая помогала Арине с вязаньем.
И тут громкие вопли Зинаиды разнеслись по вагону:
– Ох, ты ж, горюшко моё! Нельзя её на минуту оставить! Обязательно в историю попадёт! Да что же ты рот-то разинула, недотёпка моя?
Забродский пытался остепенить жену, но та надрывалась в жалостливой истерике. И Саша, переставшая было плакать, вновь залилась слезами:
– Самой жалко платье твоё, мама, такое было красивое-е-е... – Девчонка вдруг закашляла, повалилась на полку и задёргалась так, что красные ленточки в косичках стали казаться язычками пламени вокруг головы.
Зинаида бросилась на колени перед дочерью, а Забродский закричал тонким голосом:
– Врача! У неё приступ! Доктора!..
Проводник развёл руками перед женщинами, как бы взывая к их заступничеству за неимением врача. Но Федора тут же поднялась, с решительным видом шагнула к соседям и склонилась над Сашей.
– На падучую похоже, да не то, – пробормотала она, ощупала лоб и начала оглаживать лицо, надавливая пальцами на какие-то известные ей точки. – Господи Боже, благослови! Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь. Как Господь Бог небо и землю, воды и звезды, и мать-сыру землю твёрдо утвердил и крепко укрепил, и как на той мать-сырой земле нет никакой болезни, ни кровяной раны, ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли, – так бы сотворил Господь и рабу Божью меня Лександру, твёрдо утвердил и крепко укрепил жилы мои, и кости мои, и белое тело моё; так бы и у меня, рабы Божьей Лександры, не было ни на теле белом, на ретивом сердце, ни на костях моих никакой болезни, ни крови, ни раны, ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли. Един архангельский ключ, во веки веков, аминь.
Сашины косички опали, она вцепилась в руку Федоры и между приступами кашля выговорила:
– А маме можно намолить, чтоб чемодан с платьем вернулся?
– Да что ты выдумала, доча! – замахала руками мать. – Тебе бы полегчало, скажи «спасибо» Федоре Матвеевне!
Саша закивала, попыталась приподняться, и кашель вновь уложил её на полку.
– А повторяй-ка за мной, Лександра, – обратилась к ней Федора глаза в глаза и стала начитывать: – На море на Океане, среди моря Белого стоит медный столб, от земли до неба, от востока до запада. А во том медном столбе закладена медная медяница от болестей и хвороб. Посылаю я рабу Лександру в тот медный столб, что на море на Океане, и заповедаю

ему своим словом заповеданным закласть родимец во тот медный столб. А была бы с того заповедания Лександра цела и невредима и от родимца избавлена, по сей час, по всю жизнь.
Саша кашлянула ещё несколько раз, сморгнула слезинку и улыбнулась бескровными губами.
Зинаида сунула дочери шоколадку, и Саша тут же разломила её на три части, отдав отломки Федоре и Юрику.
– Путя ещё долгие, – сказала Федора. – Навар сготовлю от её болести, попьёт – авось отступится Большой Злыдень...
– Из-за платья нервы мои не выдержали... – начала объяснять Зинаида, но Забродский одёрнул её, гневно сверкнув очками:
– Чёрт бы побрал твоё платье, Зинуха!
Соседи не сдержали улыбок от такой дерзости интеллигента, а молчаливая Арина вдруг предложила:
– А я вам, Зина, своё вязаное отдам...
Девушка вынула из баула платье под цвет моря, распяла его перед соседкой и объяснила:
– Мне оказалось большевато, а вам будет в самый раз. Носите на здоровье.
Зинаида пыталась отказываться, но под гул общего одобрения руки её потянули платье на свою объёмистую фигуру.
А довольная Арина стала рассказывать, как им на промысел прислали мотки ниток для сетей, да они оказались совсем не те и пошли на вязанье девчатам.

– С миру по нитке – голому рубашка! – засмеялся мичман.
– Могу и свитерок связать, Тимофей Демьяныч, – игриво предложила девушка.
– Буду премного благодарен, мадемуазель, – поклонился Тимофей.
– А мне приёмчики бокса покажете, дядя Тима, – пристал к мичману Юрик, который видел разминку Тимофея в тамбуре. – Чтоб я Сашу охранял, если по новой нападут урки.
– Сейчас и начнём, – согласился Тимофей, выставил ладошку перед Юриком и приказал: – Бей от души!
Мальчишка стал в боевую стойку, сделал грозное лицо и начал колотить кулачками в ладошку мичмана. Тимофей картинно заойкал, потряс рукой и пообещал:
– Будем тренироваться... Чтоб ты к концу пути работал со мной на равных, по первому разряду!
– Есть! – вытянулся Юрик, ревниво глядя, как Кунц жестом зазывает соседей в служебку. – Чтоб мне и маму защищать с телогрейкой!
Василий отставил Юрика с прохода, подтолкнув на расправу Терке, подхватил Тимофея и направился в служебку. Мужчинам надо было обсудить случившееся, обмозговать обстановку и настроиться на дальнейший путь.

5

А и вся великая сибирская железная дорога настраивала Василия на воспоминательный лад. Ночью ему снился первый «пятьсот весёлый» поезд, который вёз его, вербованного, из России на Дальний Восток.
В тридцать третьем году они, молодые, полуголодные, но весёлые, ехали по этим рельсам в новую жизнь, которую им расписали вербовщики. Да и без заманки всё одно бы вербовались: деваться было некуда в родных краях – за спинами маячили голодуха, злобство имущих, бродяжничество, трупы отёкших людей под заборами... И красные вагоны-теплушки «пятьсот весёлого» с верботой на двухъярусных нарах казались каретами, что везли на доброе поприще. Сносная кормёжка на станциях подтверждала заверения вербовщиков о хороших перспективах на новом месте. И вербота, привыкнув к неторопкому движению по сибирским просторам, запела любимые песни.
По Дону гуляет, по Дону гуляет,

По Дону гуляет казак молодой...
С дымом паровоза разносились над полотном железной дороги песни про Днепр, Волгу, Кубань... А когда поезд понёсся вдоль синеокой Ангары, запели «Славное море, священный Байкал». И само хрустальное море в оправе сине-зелёных хребтов открылось перед верботой на станции Байкал, приютившейся под скалистым отвесом. И первый раз за все время пути парни и девчата бросились не к котлопункту с бесплатной кашей, а побежали к берегу.
Василий вслед за остальными припал к ледяной воде между валунами, напился так, что свело горло, и увернулся от брызг, которые поднимала Тонька из их вагона своими загорелыми ногами с потрёпанными пятками.
– Не боишься застудиться, деревня? – бросил он небрежно, как и подобало знающему себе цену жигану.
– А я персона не из Херсона, – ответила девчонка, мотнув толстенной косой. – Из Нечаевки мы, без обуток едем, закалённые...
– На подъёмные могла ботинки справить, – заметил Василий и похлопал себя по голяшкам хромачей. – Мне вот хватило на хромовые прохаря.
– А я маме все деньги отдала, – призналась Тонька, – чтоб она с голоду не померла, как остальные наши... – Она прижала к светлым глазам кончик косы с вплетённой тряпицей и поджала ноги под линялое платье. – Как трохи осяду в том Хабаровске, так вызову маму к себе.
Глядя на исхудалое миловидное лицо девчонки, Василий представил все мытарства, перенесённые ею в её Нечаевке. В их городке тоже было несладко, но из окружающих деревень в коллективизацию несло трупным запахом. Василий догадался уходить от бедственной обстановки в доме, вербуясь на новостройки. А каково было девчонке подняться из дальней деревни на вербовку в чужие края... Таких неприкаянных было полпоезда, но эта Тонька западала в душу со своей тряпицей в косе и грустью по матери. Самому Ваське родная мать снилась по ночам как живая, вызывая слёзы у Шустряги, как прозвала его пацанва.
И сейчас он плеснул в лицо горсть воды, взял за руку девчонку и сказал голосом старшего:
– Нечего нюни распускать, землячка! Идём лопать кашу, а то ловчилы перехватят наши порции.
В вагон они возвратились уже как земляческая пара и простояли до первых звёзд у раздвинутой двери над перекладиной, провожая чарующий Байкал.
А наутро Василий заслышал шепоток полублатных корешей: «Никак Шустряга втрескался в деревенскую кошёлку?»
Не обращая внимания на смешки спутников, Василий подсел в кружок картёжников, которые кинули на кон пару крепких мужских ботинок. Хлопнув себя по голяшкам сапог, он заложил на кон свои хромачи и взял колоду на раздачу у Пашки Упыря. Зная печальные исходы, перед вербовкой Василий зарёкся играть в азартные игры, но тут подвернулся исключительный случай обуть землячку.
И Шустряга попользовал свой опыт сдачи карт с нащупкой, как перенял у шулеров. Когда у Пашки собралось почти очко, Василий выкинул «двадцать одно» и забрал ботинки.
Перейдя на женскую половину, он передал обувь Тоньке и пошутил:
– Корочки не на высоком каблуке, да до первой получки сойдут.
– В них и на танцы можно! – обрадовалась девчонка и начала примерять мужские ботинки на свои натруженные, но ладные ноги.
Обутки так понравились тогда Антонине, что в них они в Хабаровске отправились и в ЗАГС регистрироваться, а потом ещё долго служили хозяйке в домашнем обиходе.
И вот другой поезд увозил теперь их семью, обросшую детьми и скарбом, с Дальнего Востока в Срединную Россию. Транзитники проводили глазами холмы Забайкалья, увитые пыльными дорогами, полюбовались каменно-деревянной Читой и с почтением встретили барельеф декабристов-мучеников в Петровск-Забайкальске. Обсудив не такую уж

печальную участь сосланных в Сибирь дворян в сравнении с нынешними пересылками, пассажиры запаслись в Улан-Удэ коммерческой колбасой. Её сытный дух перебился только омулёвым душком, когда поезд подошёл к Байкалу, где на каждой станции жители продавали рыбу в разных приготовлениях.

Вздремнув днём, Василий проснулся от резкого запаха: Федора на стиральной доске разделывала омуля «с душком», почитаемого местными жителями.

– Рыбные места, они благодатные, – говорила тёща своим баюкающим голосом. – По нашему Сахалину сужу... И здеся, вижу, земли много, дров в тайге завалися и Байкал-море неоглядный. Народ и привольней здеся, не то что в Расее, справнее люди, расторопнее...

– Это из поезда все так чин-чинарём выглядит, – возразил Денис, присевший на боковушку после обхода вагона. – А сойди в какой-нибудь Клюевке, таких историй наслушаешься, что край этот медвежьим углом мало обозвать... Вот один случай мне рассказали пассажиры – забыть не могу...

И проводник с видом знатока здешних мест стал вспоминать непростую историю.

Жил на станции Клюевка в своём домишке на отшибе одинокий необщительный мужчина, который обслуживал местное почтовое отделение по милицейской линии: он получал почту в Мысовой, где останавливались поезда с почтовыми вагонами, забирал отправления для Клюевки и приносил их пешим ходом в суме. Повреждённая кисть руки не была помехой в нехитрой работе почтового милиционера Игната Смирных.

И за много лет аккуратной службы клюевца никто в округе не мог предположить, что в тихом домишке Смирных изредка творятся страшные дела... Годы были такие, что лучше не совать нос за чужой забор, за милицейский тем более. Ходили слухи, что нет-нет, да и пропадают бесследно молодые девчата на станции Мысовая. Да где было разобраться с такими исчезновениями, когда ночами людей увозили по нескольку на «воронках», и с концом.

Да сколько верёвочке ни виться, конец когда-то обнаружится. Здесь хвост выскочил перед самой войной 1941 года.

Приехала в Клюевку из Киева девчушка к бабушке на Байкал – решилась красавица на дальнее путешествие после десятого класса. Сошла та Оксана с поезда в Мысовой, стала на дощатом перроне с чемоданчиком в руке и начала оглядываться: где же бабушка?

А старушка расхворалась к тому дню и не встретила внучку: авось и сама дойдёт взрослая барышня до Клюевки на резвых ножках, каких-то семь километров вдоль Байкала.

И тут перед молоденькой, пухленькой, как вареник с вишнями, девчушкой возник парень в милицейской форме – фуражка с белым чехлом, светлая гимнастёрка, галифе, в сапогах играет солнце, а в глазах зыбится байкальская синь. Завязался разговор.

«Вам куда, молодая-красивая?» – «До Клюевки, товарищ милиционер, к бабусе я впервой приехала – одна боюсь добираться». – «Мне туда же, девушка, живу там и бабушку вашу знаю, Гарпину Капитоновну, последнее время прихварывает старушка. Вот обрадуется внучке из дальних краёв...»

С разговорами они тронулись в путь вдоль железной дороги. По ходу Смирных, конечно, сообразил, что в свой дом затащить Оксану не удастся – внучка рвётся к бабушке. И парень пошёл на хитрость: сказал, что сокращает путь, и завёл девчонку в распадок, на Федяевский покос, когда солнце уже садилось за стога.

У крайнего стога сопроводитель и предложил приезжей передохнуть возле стога свежего сена. Девчонка, заворожённая красотой распадка у Байкала, присела. Тут парень и набросился на неё... Оксана сопротивлялась, кричала, но голос её угас в темнеющем распадке.

Изнасиловав девчонку, Смирных придушил её и присыпал сеном. Прихватив свою сумку, милиционер выбрался из распадка, пришёл в Клюевку и, как положено, сдал почту.

Всё вроде шито-крыто должно было быть у тихушника, да обнаружилась потеря – наручные часы. Носил их клюевец на нечувствительном запястье, когда потерял, где, не мог

вспомнить, хотя подозрение мелькнуло, что мог обронить их возле стога, когда девчонка яростно сопротивлялась.
И как раз там, в глухом распадке, возле трупа девушки нашёл их хозяин покоса, когда пришёл подправить стога. До смерти перепугался мужик, как уткнул вилы в труп, потом принялся по-охотничьи разбираться, что да как. Тут и перехватил острым глазом стеклянный блеск – часы! Поднял хозяин ту находку, завернул в тряпку и понёс в мысовскую милицию.
Милицейские ребята быстро распознали часы – тогда они были наперечёт в районе. Оперативники устроили уточняющую проверку своему клюевскому сотруднику, и тот попался, как ленок на блесну.
Когда же раскрутили дело до конца, оказалось, что Смирных в течение десяти лет приводил к себе домой доверчивых девчонок, поил водкой и насиловал. Потом тихушник убивал своих избранниц, зарывал их в отвалах горячего паровозного шлака, и трупы испепелялись без остатка.
– Такие вот дела вытворяются и на берегах священного Байкала, – закончил Денис свой рассказ и потянулся к портсигару Василия за папиросой. – Что уж вспоминать про другие края... Сама столичная жизнь – сплошь разор... Наслушаетесь ещё... Про ту же банду «Чёрная Кошка»…
Вздохи, кивки и невнятные возгласы слушателей свидетельствовали о том, что про «Чёрную Кошку» известно далеко от столицы.
Василий хотел напомнить про чёрта, который не так уж страшен, как его малюют, но заныло предплечье: осколок давал себя знать, когда что-нибудь было не по настроению сахалинца. А здесь рассказ проводника наполз не лёгким омулёвым душком, а затхлой тучей на байкальское воспоминание Василия. «И любит же наш народ растравить себе душу жуткими байками, – задумался он, растирая руку портсигаром. – От этого и паники на фронте было больше, чем надо. В тылу такие бывальщины тоже не к месту, особенно в поезде дальнего следования... Сразу видно, проводник охоч припугнуть нашего брата, пассажира. Да мы же не иваны с трудоднями! Кое-что другое можем попомнить, чтоб окна и двери заплакали!..»
Щёлкнув портсигаром над головой Юрика, он попросил сына:
– А ну, Чилим, разгони нам грусть-печаль, вспомни наши частушки про тех, кто с кондачка собирался нас попользовать, да крепко обскользнулся!
Юрик с готовностью стал в позу, картинно скривился и заученно запел:
Хотел в войне нажиться,
До чина дослужиться
И в рыцарской одежде
Доспехами блистать...
А нам пришёл капут!
Василий защёлкал портсигаром, Герка напевно подул в расчёску, и Юрик с приплясом продолжил:
Не спится, не лежится,
И всё в глазах двоится:
Могила в два аршина
С берёзовым крестом...
Ах, фюрер, нам капут!
Взрыв хохота пронёсся по вагону, будя заспавшихся пассажиров.

6

На прибрежной станции Танхой проводники подсадили в крайнее купе двух знакомых железнодорожников с огромными горбовиками, набитыми кедровыми орехами и шишками. От пожилого Никиты Демидовича и молодого Африкана, как их представил

дальневосточникам Денис, пахнуло тайгой, костром и потом. Объяснив, что они в командировке из Иркутска успели пошишковать в здешней тайге, сибиряки угостили ребятишек кедровыми шишками и насыпали на столик горку орехов, приглашая всех отведать лесных даров.

Федора тут же налила добытчикам по чашке чая, а Кунц выставил бутылку водки, и в гнездовском кутке начался оживлённый разговор.

Денис расспрашивал своих знакомых про шишкобой, виды на соболиную охоту в предстоящем сезоне и цены на шкурки у местных охотников. По всему было видно, что у проводника к этим местам выработался немалый интерес, может быть, даже установилась разъездная выгода. Но вопросы Дениса перекрыл своим хриплым басом Кунц, затянув после чашки водки:

Славное море, священный Байкал,
Славный корабль – омулёвая бочка.
Эй, баргузин, пошевеливай вал,
Молодцу плыть недалечко...

Все невольно загляделись на синие выплески Байкала между лесистыми мысами, забыв про орехи и бутылку. Однако бурят, как представил по национальности молодого путейца Денис, взял чашку с водкой, окунул в неё пальцы и побрызгал на три стороны по ходу поезда.

– Это что же за колдовство такое? – опешил Кунц.

– Чтобы Бурхан пропустил наш поезд без осложнений как минимум, – объяснил Африкан, узя и без того узкие глаза от тут же выпитого угощения.

– Бурхан – главный дух Байкала у бурят, – добавил Никита Демидович, снял старую форменную шапку с лысины и тоже побрызгал из чашки. – И мы по Кругобайкалке все чтим его, чтоб не давал Байкалу разгуляться и выплеснуться на путя, как случилось, к примеру, тутока весной сорок четвёртого.

– Тогда лёд вытолкнуло на полотно, – вспомнил Денис. – Два поезда пошли под откос...

Даже ребятишки перестали щёлкать орехи, уставившись на окна, за которыми пролетали байкальские берега.

– Если б нам капать каждому тихоокаянскому духу, – нарушил заминку рыбак, берясь за бутылку, – прорва водки потребовалась бы на каждый плавсезон!

– У Бурхана тоже подручных как минимум в каждом распадке, – сообщил Африкан и кивнул стриженой головой на гольцы слева. – Молниями повелевает Азмэ, громом Алмэ да ещё Хыр-хушун на мысе Рытом...

– Ну, до наших ураганов Байкалу не дотянуть со всеми его духами-бухами, – заверил Кунц, доливая чашки.

– А у нас говорят, паря, кто на Байкале не бывал, тот и бури не видал, – возразил Никита Демидович. – До сих пор люди рассказывают про гибель судов в девятьсот первом году в Малом Море. Страшную сарму-ветер напустил тогда Бурхан на рыбодобытчиков. А всё из-за жадности нашей людской... Много омуля выловили мужики на севере Байкала, погрузили бочки на парусники и в Малом Море подцепились к старому колёсному «Якову», который и потянул перегруженные лайбы к Ольхонским воротам. Да у скал Калдыкея на караван из продувной, как труба, пади Сарма обрушился ветер с тем же названием. Надо сказать, сарму боятся все на Байкале – этот горный ветер может бросить лодку с берега в море на сотню метров...

Слушатели снова забыли про орехи, Арина отставила спицы, а Федора подложила к бутылке очередной бутерброд и перекрестилась. Василий же молча предложил мужчинам выпить, ожидая продолжения захватывающей истории. И рассказ был доведён до конца со всей впечатляющей достоверностью.

Капитан «Якова» поздно ощутил приближение сармы. Когда же пароход резко накренило на борт, прицепы стали его смертельной обузой. Пришлось срочно рубить канат, который удерживал самый крупный парусник «Потапов».

Промысловый парусник, предоставленный сарме и крутым волнам, понесло на скалу Кобылья Голова, ударило о неё и обрушило людей, бочки с рыбой и рыбачьи снасти в бушующее море. И долго потом у грозного утёса прибой бил о берег трупы людей в месиве рыбы среди разбитых бочек.
– Более двух сотен человеческих жизней забрал Бурхан в ту ночь, – заключил рассказчик.
– И не раз ещё на Байкале повторялись подобные упреждения: не хапайте, люди! Берите в меру! Не нагличай туто-ка, человек! Не загаживай красоту!..
Бурхан накажет! – подхватил Африкан и побрызгал из чашки.
– А кого и сам Господь! – поддакнула Федора и перекрестилась на церковь за вокзалом с вывеской: «Слюдянка».
Поезд остановился в городке, дома которого россыпью уходили на склоны живописной пади. Пассажиры выбегали из вагонов, устремляясь к рядкам пристанционного рынка, чтобы прикупить солёного, жареного и копчёного омуля да хариуса.
Однако из головной компании тринадцатого вагона никто не пошёл на перрон – слушали Никиту Демидовича, который продолжал рассказывать о проделках Бурхана в байкальской котловине, вспомнив под отходной гудок паровоза:
– Рядом с устьем Селенги залив Провал есть. В прошлом веке назвали так. Почему? Да несколько сел в Цаганской степи за одну ночь ушли под воду. Люди спаслись, да с тех пор остерегаются всё же Бурхану гадить... Скажи, Африкан?
Молодой кивнул, побрызгал в сторону уплывающего вокзала и сурово произнёс:
– Как минимум, забываться стали... Кедру валят из-за пары шишек... Пила, топор теперь гуляют по кедрачам вместо колота.
– Грех-то какой, Господи, – вздохнула Федора.
– Инфляция-девальвация во всём, – заметил Забродский.
– Таких и зоной не исправишь, – ввернул Трофим.
– Умел бы Бурхан стрелять прямой наводкой, – высказался Тимофей, – был бы с недолётом перелёт!
– А долбанул бы по нашему поезду? – смешливо предположил Василий и пояснил: – Не ангелов везёт наш состав... А сама дорога где пробита!..
Поезд втягивался в скальные отвесы, у подножья которых пенился прибой. Все в вагоне устремили взоры на величественную панораму, ожидая встречи с тоннелями.
– Рисуй, Герасим, – подбодрил Василий сына, – такой красотищи не увидишь больше по всей дороге.
А Герка и сам знал своё дело – он протискивался между соседями от окна к окну, зарисовывая мысы, скалы, порталы тоннелей, станционные постройки... Юрик с шишкой в руке прыгал рядом со старшим братом, подсказывая, где художник упустил красивый утёс, забыл изобразить чаек или катер на упругих волнах. И меньший вскрикивал вместе с Сашей, когда поезд въезжал в тоннель и пассажиры оказывались в полной темноте.
– Тоннелей тут будет под четыре десятка, – предупредил Денис ребятню после первого нырка в подземелье. – Самые длинные впереди – поберегите горлышки.
– Хватило бы карандашей, – вырвалось у Герки.
– Восполним боезапас в Иркутске, – заверил Василий. – На такую память денег не пожалеем.
– Золотой Пряжкой Транссиба назвали строители тоннельный участок Кругобайкалки, – заметил Никита Демидович. – Сколько вбито здесь труда, средств да и жизней по тем временам...
– Жизни всегда были самым дешёвым товаром у нас, – добавил Трофим.
– Отец мой, покойничек, рассказывал, как горбатился здесь по молодости, – продолжал старый сибиряк, шелуша шишку. – Работяги тогда на эту стройку набирались кучно, как орехи в шишке, везли их сюда артелями из разных мест России: вологодские, курские, витебские, пермские трудяги вкалывали на этих скалах. Жили в бараках у дороги или тоннеля. Спали на нарах – кто на чём. Понятно, какой дух был в таком жилье, если топились

железные печи, на них готовилась еда и рядом развешивалось белье да портянки для сушки...
Указывая на выемки и срезы на откосах, мимо которых проходил поезд, старожил при авторитетной поддержке Трофима напоминал, что все горные работы производились вручную и взрывным способом. Ломы, кувалды, лопаты, зубила, тачки – это был рабочий инструмент строителей дороги. Динамит являлся необходимым подспорьем. Работали от темна до темна, хотя мрак тоннелей дополнял тёмное время до круглых суток. Темнота способствовала несчастным случаям, которые происходили каждодневно. Глыбы часто срывались с отвесных скал, давили рабочих или увечили бедолаг. А изувеченного работягу увольняли без всякого выходного пособия. Хорошо, если товарищи собирали кое-какую копейку, чтобы несчастный труженик уехал домой, к обездоленной семье, где становился лишним ртом.
Никита Демидович отщипнул чешуйку от шишки, выдернул орешек, и там образовалась ячейка, напоминающая «лишний рот».
– А как вкалывали бурильщики-взрывники, – вёл свой рассказ железнодорожник. – То был цирк, какой редко увидишь...
Бурильщик подвешивался на скальную высоту, как альпинист, на верёвке. Тяжёлым молотом он бил по стальному забурнику, чтобы продолбить в гранитном отвесе шпуры, потом зарядить их взрывчаткой и отладить.
Когда раздавались взрывы, запальщик считал их. Если не досчитался, беда! Какой заряд не взорвался, в каком шпуре отказ? Где теперь таится опасность для бурильщика? И для проходчиков затаившийся заряд – смертельная опасность.
А работа должна продолжаться, иначе получишь шиш. И отец Никиты Демидовича был свидетелем того, как у Толстого мыса молодой запальщик в спешке положил после поджога зарядов факел в сумку с готовыми фитилями и взорвался. Да после этого подборщики стали разгребать породу, стукнули лопатой по заряду, который не взорвался, и грохнуло опять так, что в живых не осталось ни души.
Основные работы велись по двум системам: хозяйственной – при государственной оплате и подрядной, когда распоряжался мелкий хозяйчик. «Подрядка» была сущей обдираловкой для работяг, хотя и госоплата не оставляла их без обсчёта по разным статьям.
Подрядчики же разных уровней наживались и на снабжении рабочих продуктами, которыми спекулировали без зазрения совести. Бичом на строительстве дороги являлись спиртоносы, которые и при «сухом» царском законе опаивали рабочих, разоряя их на корню.
Однако люди ехали сюда из всех губерний: здесь светил хоть какой-то заработок для семьи, у которой хватало хлеба в лучшем случае лишь до Рождества.
– И всё же первопутку строители проложили на год раньше намеченного, – заключил рассказчик воспоминание и потряс кедровой шишкой. – С тех пор мы держим ту марку, скажи, напарник...
Но Африкан не успел высказаться – поезд вдруг резко затормозил, словно натолкнулся на крепкое препятствие. Чашки, орехи, бутылка полетели со столика под ноги, клубок Арины покатился по проходу, и Тимофей выхватил его между чьих-то резвых ног. Потом мичман бросился за дембелями к тамбуру выяснять причину торможения.
– Похоже на обвал, – предположил Никита Демидович, прижимаясь к окну. – Только бы не на поезд, ядрёна звона!
– Шарыжалгай, – сообщил Африкан, взглянув на домики под откосом. – Тут крепко валит с прижимов, бывает – прямо под колёса.
– Не дорога здесь – сплошной разор, – пробурчал Денис. – Такого ферта может выдать – стоишь потом и чешешься.
– Камнепад! – разнеслось по вагону, и пассажиры затеснились в проходах, стремясь на воздух.
А на полотне все потянулись к паровозу, перед которым высилась горка серых камней, мокрых от недавнего дождя.

Тут же двое парней в жёлто-серых шапках тоннельных охранников оттаскивали за рога тушу изюбра, объясняя подошедшим пассажирам:
– Свалился зверь с каменного козырька, который подмыло. Кувыркнулся зубра на путя и – готов рогач. Мясо, конечно, сгодится, да вонькое будет – кишки-то разбиты вдребезг.
Туша, влекомая хваткими парнями, резиново перекатывалась по камням, шпалам и рельсам, оставляя кровавый след. Пассажиры ахали, задирали головы на скальный отвес и потом пятились к паровозу, переговариваясь с бледным машинистом и молодым помощником.
– Как вы усмотрели свал, мужики?
– У нас на Кругобайкалке глаз – ватерпас!
– Ещё не такие сюрпризы подбрасывала дорожка.
– А долбануло бы по вагонам!?
– Случалось...
– Каждый камешек на скалах знаком.
– Теперь застряли к ядрёне-фене?
– Телефонная связь на разъезде работает – скоро подойдёт восстановительный поезд...
Пассажиры закачали головами, скривились и стали ёжиться от свежего ветра с Байкала.
И тут на подножку поезда встал Никита Демидович, поднял шапку и обратился к дальневосточникам:
– А чего нам ждать ремонтников, граждане? Такая силища да не расчистить путя! По камешку, по глыбке разбросаем горку и поехали дале!
Василий кивнул Тимофею, тот перекинулся парой слов с дембелями, и недавние солдаты с матросами начали выстраиваться цепочками – от завала к берегу. Гражданский люд тоже не отстал, разбавляя рядки парней в военной форме, и работа закипела.
Ускоряя темп, люди подхватывали увесистые камни, передавали их из рук в руки и по указанию Никиты Демидовича укладывали их в полотно. Африкан руководил разноской больших глыб, за которые брались по нескольку дембелей.
Бодрые голоса пассажиров и перестук камней разносило по глади вод и ближним распадкам, спугивая чаек с горбатого утёса.
Через час слаженной работы путь был очищен, возбуждённые пассажиры возвратились в вагоны, и поезд тронулся, отражаясь в водах Байкала.

7

После прибайкальских скальных прижимов поезд вырвался к Ангаре, от которой тоже трудно было оторвать взгляд. Василию казалось, что река по приказу Бурхана, переданному через Шаман-камень, подгоняла своим быстрым течением их состав, уводила дымящую махину от священного Байкала. Не оттого ли Иркутск расположился вдали от истока реки, что у основателей города был страх перед духами Байкала, напускающими на берега наводнения и землетрясения, о которых в пути поведали иркутяне.
И на подъезде к Иркутску весь вагон уставился в окна, разглядывая рисковый город на той стороне синеокой Ангары, которая отражала каменные здания, церкви поодаль и деревянные особняки красивой конфигурации.
А оба иркутянина-железнодорожника загремели своими горбовиками, подсыпая орехов на столики дальневосточников, с которыми успели сдружиться. Под звуки вагонного динамика, передающего песню про «город на Ангаре», старший объяснял:
– Иркутск, он купеческого заквасу. Тут такие фамилии разворачивались, что прославили город на всю Россию. Одна чайная торговля с Китаем какой навар давала! Железку не зря сюда побыстрому тянули...
– Золотой эшелон здесь взяли дружинники, когда Колчак отступал, – добавил Африкан. – На Ушаковке его и расстреляли, как минимум, с двумя соратниками.
– Александра Васильевича, – вырвалось у Герки, – исследователя Арктики, флотоводца!

– Минёр был какой в Первую мировую войну, – добавил Тимофей, – да взвалил на себя дело не по калибру.
– Зачем объявлял себя верховным правителем России, – заметил Забродский. – Зачем лез в политику адмирал?
– Плавал бы по морям-океанам мореман, – протянул Кунц и вздохнул, – да на суше-то женский интерес...
– Союзнички его продали как раз здесь, – с усмешкой напомнил Трофим. – Испугались западные вояки, что партизаны обрушат байкальские тоннели к выезду ихних эшелонов на восток... Жим-жим у тех же чехов здесь начался...
Заслышав торможение поезда, Никита Демидович надел шапку и произнёс:
– Тут, как рассказывал отец, много чего было в те времена... По этим путям подходил к Иркутску бронепоезд атамана Семёнова с десантом казаков на выручку белым. Да тут наши глазковские деповцы пустили встречь забайкальцам старенький паровоз. Сбили слёту бронированного гостя. Десанту кого оставалось? В цепи и – на Глазково, которое на железнодорожном берегу! А туто-ка такая братва – оторви да брось! Все с оружием да в родных стенах! Ударили как след по белошубникам – забайкальцы вспять!.. Пришлось семёновцам, кто уцелел, пёхом домой добираться. С тех пор и в песне поётся: «По шпалам, по шпалам, по шпалам с котелком!»
Поезд между тем подошёл к солидному вокзалу, и пассажиры устремились к ходовому тамбуру. Вдев руки в лямки горбовиков с помощью сопровождающих, иркутяне попрощались с женщинами и пошли на выход, советуя напоследок использовать скорлупу орехов для настойки от разных хворей.
– Рука у меня с осколком даёт себя знать при нервных встряхах да на погоду, – признался Василий, поддерживая сзади горбовик Никиты Демидовича. – И тёщины припарки плохо помогают... Приеду как-нибудь в ваши кедрачи за шишкой, чтоб настой покрепче вышел...
– Будем рады принять, – ответил старик. – Да отвезти в кедрачи по новой ветке. От Иркутска через горы до Слюдянки проложили однопутку, начинаем и вторые путя.
– В обход тоннельного Бурхана, – засмеялся Африкан. – Хотя он везде достанет за нерадейство, как минимум, шишкой по голове!
– Ну, мы получали чем и покрепче, – отшутился Василий, помогая добытчикам в сопровождении Тимофея сойти на перрон.
– В нокауте не был, – поддержал мичман с весёлой усмешкой, – а нокдаун держал.
– Словом, на шишкобой мы годимся, – заверил сибиряков Василий и протянул им портсигар, предлагая закурить.
И тут в их кружок втиснулась растрёпанная девчонка в платье из мешковины с сумкой на боку. Протянув руку, она затянула:
– Подайте, дяденьки, хучь папироску для инвалидного батяни.
Василий, наделив курильщиков беломоринами, высыпал остальное в руку побирашки, а Тимофей сунул ей красную тридцатку.
– Ой, спасибо, дяденьки! – заверещала девчонка. – Счастливой вам дороженьки! И доброго здоровья всем вам!
Никита Демьянович и Африкан, смущённо закурив, подхватили побирашку под руки и повели её к вокзальным воротам, обещая насыпать полную сумку орехов.
– Стыдно стало перед нами за побираху, – объяснил Василий Тимофею всю сценку. – Так расписывали свой город, а тут чалдонка с протянутой рукой...
Мичман повертел папиросу в сильных пальцах, вернул её за ненадобностью как некурящий и сказал:
– А что, отслужить своё и закатиться сюда на гражданскую жизнь, Василий Сергеевич?
– Как будешь без моря, мореман? – усмехнулся Василий.
– А Байкал... – напомнил Тимофей.
Василий замер с незажжённой папиросой во рту – смутное предчувствие прихлынуло к нему накатом самого Байкала. Такое накатывало на него на фронте перед боем. Тогда

Василий каким- то внутренним зрением различал обречённых на смерть в своём взводе, томился, даже осторожно предупреждал товарища быть начеку, да что было толку: все вроде считались равными перед пулями. После войны уже он узнал, что не он один отличался подобным свойством, которое сближало такого человека с собаками, чующими кончину хозяина даже заочно. И тёща считала, что редкие эти чудаки начинают беспокоиться на значительном удалении от беды, да понять себя не могут по суете, а людям до провидцев дела нет.

Однако сейчас, в тени вагона, его магическая подсказка наталкивала не на смертельный исход, а на жизненный уклад. Слова мичмана вдруг задели его за живое, и сахалинец представил возвращение сюда, на эту сибирскую землю...

Усмехнувшись над своим предвидением, Василий хотел разговорить Тимофея о его перспективах, но мичман увидел на перроне Арину с пустой сумкой и устремился к ней. А внутренний живчик настаивал оглядывать предместье, разбросанное по взгорью над железной дорогой, с особым пристрастием, как будто Гнездовым предстояло осесть здесь в недалёком будущем.

«Стоит переговорить с тёщей по такой подсказке, – решил Василий, направляясь в вагон. – Будто африкановский Бурхан притягивает к этому месту...»

Пробившись сквозь пассажирскую толчею, сахалинец вернулся к семье и увидел умильную картину. Его семейство обсуждало Геркин набросок моста через Ангару.

– Будет память о Сибири, – похвалила Антонина художника, чмокнула сына в вихрастую голову и обратилась к подошедшему Василию: – Помнишь, Вась, когда мы ехали в Хабаровск, моста тут ещё не было.

– И ты стирала своё платьишко в Ангаре возле понтона, – вспомнил Василий и кивнул на серую дугу моста над светлой рекой.

– Примета на возврат в эти места, дочка, – заметила Федора. – Вроде как, породнилась ты тогда с этой речкой.

– Выдумаешь тоже, мама! – осекла её Антонина. – Мало нам Хабаровска да Сахалина?

– И мне Бурхан ночью приснился, – подначил Василий жену, – будто знак подавал разгружаться тут.

– Знал тот хан, кого соблазнять, – хмыкнула Антонина. – В цыганский бы табор тебе определиться, Вася.

– Не было бы жаль лаптей, убежал бы от жены и от детей! – певуче ответил Василий, пришлёпнув себя по хромовым сапогам.

Ребятишки всхохотнули, а жена покосилась на разыгравшегося супруга и осадила его:

– С тремя оглоедами далеко не поскачешь, милок.

– Не рано ли пташечка запела? – игриво предупредил Василий. – Третий не лишний, но его довезти надо в здравии. А ты уж так рвалась с места в своём положении... Могли бы ещё годик-другой пожить на Сахалине. А теперь, неровен час, случись что с тобой в дороге, сдадим тебя в больницу на какой-никакой станции...

Антонина растерянно опустила глаза на живот, словно сама засомневалась в сохранности самого дорогого груза, но Федора перекрестила дочь и шепнула Василию:

– Тут и моя забота оборонить дитя от сглаза-навета... Слушай да запоминай, голуб востроглазый... Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Стану я, рабица Божия, благословясь, пойду, перекрестясь, из избы дверями, из двора воротами, в чисто поле, в восточную сторону. В восточной стороне Окиян-море, на Окияне-море лежит бел камень, на белом камне стоит гроб Господень, у того гроба Господнего сидит Богородица с четырьмя евангелистами: Иоанн, Лука, Матвей, и Марк, и все силы небесные отстреляйте от рабы Божьей Антонины уроки и прикосы, и откуда пришли, и туда подите, и от царя, и от царицы, и от попа, и от попадьи, и от мужика да жёнки, и от парня, и от девки простоволоски, от черноволоски, и русоволоски, и красноволоски, и от двоеглазого, и от одноглазого, и от слепого, и от своей лихой думы, и мысли, и от чужой думы, и мысли, и раба Божия, которых

слов не доумею, и те слова не уменьшают, и те слова ключ и замок от земли и до неба, отныне и до века, и век повеку, аминь, за аминем аминь.
Василий плохо понимал скороговорку тёщи, но поток слов так зачаровал его, что он забыл про свой вопрос к Федоре, даже не заметил толчка поезда. Отвлёк его от заговора общий шумок у окон, мимо которых потянулись пакгаузы, будки, отстойные составы, промелькнули опоры Ангарского моста, и вскоре зарябили фермы Иркутного.
Общий восторг вызвала раздольная дельта Иркута, который обозримо впадал в быстротечную Ангару, оставляя по ходу острова и болота. На болотистых старицах среди камышей плавали стайки уток, и живность вблизи дороги через низину вызвала у ребятишек радостные крики.
– Дикие и не улетают!
– Вот бы пострелять!
– Ты чего, Чилим, по такой красоте из ружья?
– А что, по-твоему срисовывать?
– Мал ты и глуп...
Щелчок по лбу Юрика завершил разговор сыновей. Младший пытался боксировать, как учил его Тимофей, но тут же отлетел к отцу от крепкого тумака Герки.
Василий обнял захныкавшего Юрика, подсадил его к столику с орехами и сам уселся напротив, пощёлкивая кедровую мелочь. Прилипчивое наваждение про иркутскую прописку осталось позади вместе с утками. А чтобы унестись мыслями в родные края, Василий стал вспоминать свой Дмитриев, пригородную речку Гусинку и стада гусей на пойменных лугах.
– Мы разведём своих гусей, сынок, – пообещал он в утешение Юрику и стал рассказывать про общее увлечение гусями на родине. – Большущее стадо... – Раскладывая орешки в стайные косячки, Василий вспоминал, с какой любовью дмитриевцы разводят гусей, пасут их и стравливают гусаков. Бои вожаков – настоящие праздники для жителей города и ближних деревень. А победителей знают далеко окрест, обговаривают на сходках их бойцовские качества и стараются развести племя от самых видных гусаков и гусынь.
Войдя в раж от греющих душу воспоминаний, Василий и не заметил, как вокруг вновь образовался соседский кружок, к которому, по обыкновению, примкнул Денис.
– Не помешало бы сейчас гуся с яблочками, – мечтательно протянул проводник.
– Приедешь ко мне в гости, будет гусь в лучшем виде, – заверил Василий. – И яблоки у нас антоновские наилучшие.
– Чем и хорош поезд – посулами, – вздохнул Денис. – А разошлись пассажиры и – след простыл.
– Гора с горой не сходится, а человек с человеком завсегда, – напомнила Федора поговорку.
– Если люди – человеки, – добавил Трофим тягучим голосом.
Все опустили головы, словно впервые за дорогу оценивали человеческие качества попутчиков. А колеса равнодушно подстукивали: «Тук-так-так»...

8

В долгом пути по поезду проходили вагонные воры, прикидываясь временными пассажирами, побирашками, а то и железнодорожниками. Однако в тринадцатом вагоне им не фартило: опытный Денис с помощью дальневосточников быстро раскусывал любителей чемоданной наживы и выпроваживал их, натаскивая напарника, лопоухого Мишку, распознавать уркачей.
Василию каждый раз приходилось включаться в разоблачение и вытеснение жулья. Помогал опыт общения с блатной публикой в годы беспризорничанья, военная выучка в разведке позволяла распатронить приёмы вагонных махинаторов, а в крайних случаях приходилось звать на помощь мичмана, который оставлял Арину с её вязаньем и по первому сигналу старших становился в боевую стойку. Дембели, до отказа забившие третьи полки в

Красноярске, тоже были готовы навести порядок по призыву хозяев вагона, и тревожных происшествий в середине пути не случалось.
В вагоне царило дембельское веселье: отслужившие своё парни выпивали, резались в карты, пели и напропалую ухаживали за подвернувшимися девчатами. Клавдия Шульженко поддерживала весёлое настроение по радио поезда:
Ай-яй-яя! Ну что за девчонка!
На все тотчас же сыщет ответ,
Всегда смеётся звонко...
Отсидеться в тихом углу при долгом следовании по барабинским низинам могли не все. Кунц прытко выскакивал на станциях «размяться», остограмливался под пирожок в буфетах и возвращался в вагон навеселе. Несколько раз весёлый рыбак пытался увлечь за собой Василия, но сахалинец жестом давал понять: «Женщины на стрёме!» Однако, выждав момент, когда Федора отошла к Саше пошептать над девчонкой, а строгая Антонина удалилась в туалет, разгульный сосед ткнулся бородой в ухо Василия и просипел:
– Вася, браток, составь компанию в ресторан. Надо поправиться после вчерашнего... Один, понимаешь, мандражусь после того, как обшманали. А ты мужик что надо... И мы втихую отчалим, Вася, пока надзор твой ослаб...
– Понимаю, Ваня, тяжко тебе, – посочувствовал Василий, помог натянуть соседу поверх тельняшки куртку и повёл его к дальнему тамбуру. – Порадеть корешку-тихоокаянцу – святое дело. Только без излишеств, Иван Альбертович!
– От дальневосточника слышу, а мы как родня, – бормотал бородач, цепляясь за полки. – Ничего, что всю войну на охране складов прослужил, зато потом в китобои подался, а после на траулер... Еду к родне, а снится Дальний Восток. И водярой не залить память тихоокаянскую...
– Женился бы и – на семейный якорь, – посоветовал Василий, придерживая соседа при сильных рывках поезда. – Семья крепко якорит.
– Это у тебя так уловисто вышло, Вася, – дохнул Кунц застойным перегаром. – А мне баба подходявая не подворачивается.
– При твоих-то деньгах такую можно отхватить! – воскликнул Василий, распахивая двери тамбура перед соседом. – А переводишь свои тыщи на дешёвок!
– Теперь присматриваюсь к порядочным женщинам, – сказал Кунц, шагнув на лязгающие пластины перехода. – Чтоб не по деньгам меня оценила, а по характеру...
– Ну, пока едем, вместе будем присматривать, – шутливо обнадёжил сахалинец рыбака.
– Понимаю, кореш, не туфту порешь, – согласился Кунц. – Потому и хочу угостить тебя от души, Вася.
Через гармошку перехода они прошли в следующий мягкий вагон, и тут проводник, коротышка с одутловатым лицом, загородил им проход.
– На станциях перебегать в ресторан извольте, плацкартники! – заявил хозяин мягкого: – У нас как-никак ковровая дорожка. Выметай после вас, таких бравых.
– У нас есть билет и в твой вагон, Силантьич. – Кунц сунул проводнику красненькую, и тот отступил в служебку.
За следующей переходной гармошкой открылся тамбур вагона-ресторана, ударившего в нос волной аппетитных запахов.
Кунц по-свойски оглядел светлый ресторан, кивнул дебелой буфетчице и помахал какой-то парочке за угловым столиком. Дружок объяснил Василию, что это супруги Артур и Эльза, репатриированы из Харбина и едут в мягком вагоне. Тут же он подвёл сахалинца к парочке, представил его харбинцам, и те пригласили обоих на свободные места за свой стол. Артур подал знак жене волосатыми пальцами в перстнях, и та налила всем в стаканы водки. Все четверо чокнулись, выпили за знакомство, и Артур обмахнул усики салфеткой. Василий предложил папиросы, открыв свой портсигар, а Кунц подозвал официантку, заказывая ей с ходу коньяку, икры и шоколадку.

– Ох, не доведут тебя до добра, Ваня, загулы, – пискнула девчонка. – Промотаешь деньжонки до Москвы!
– На сватовство останется, – подмигнул Кунц, – Пойдёшь за меня. Любаша?
– Есть уже у меня такой же хмырь, – отмахнулась официантка и поплыла между столиками выполнять заказ.
– Так вот забрасываешь трал и – впустую, – шутливо пожаловался рыбак.
– Ну, в России сейчас такого добра завались, – заметила Эльза, гоняя папиросу крашеными губами. – После войны-то.
– Сойди на любой станции и выбирай которую покрасивше, – добавил Артур. – Русские бабоньки в Харбине ценились по высшему счёту.
– Хороша страна Болгария, а Россия лучше всех! – забалагурил раскрасневшийся Кунц и стал разливать коньяк, доставленный официанткой.
– У нас был богатый выбор, – сказал Артур, – Австралия, Аргентина, Париж... Да Россия-матушка потянула магнитом...
– Перед ней мы ни в чём не провинились, – добавила Эльза. – Ксивы, пардон, документы у нас чистые, осядем в Подмосковье и будем трудиться на благо отчизны, как завещали родители, царство им небесное.
– Утрясается Россия, – согласился Василий. – Кто откуда теперь возвернётся в неё, всё наши будут.
– Всё наше – тюрьма и параша, – всхохотнула Эльза, под косым взглядом мужа осеклась и с изящным оскалом отмахнулась: – Пардон, товарищи!
– За Россию-матушку и выпьем! – предложил Кунц, с чувством чокнулся с попутчиками и лихо опрокинул стакан под рыжие усы.
Водка и коньяк под китовое мясо на закуску сблизили компанию. Однако Василия настораживали супруги особыми переглядами, тем, что пили глоточками, а их старались завести на большие дозы, и проплывающие за окнами поля с колками да деревеньки не занимали пару, как должно бы людей с чужбины. Прорывались в разговорах репатриантов и словечки по фене, хотя парочка объясняла это желанным знакомством с языком низов.
Однако приличная обстановка, обходительные разговоры и горячительные глотки растопили насторожку. Глядя на весёлого товарища, сахалинец про себя махнул рукой на охранительный настрой. «Могу в приличной обстановке стряхнуть с себя хотя бы на часок заботы? – задался он куражливым вопросом. – Или слабо поблажить в своё удовольствие? При моих-то деньгах! Куда там рыбаку до моей телогрейки, а он гулеванит напропалую. Я же лишнюю рюмку позволить себе не могу в интересной компании!»
А Кунц позволял себе от души, рассказывал анекдоты и хохотал над ними больше всех. Пожевав кусочек китового мяса, он вспомнил:
– Мы на китобое мясо кита не ели – жёсткое, наша добыча – сердце этой животины. Вкуснятина, скажу вам, какой в ресторане не подадут. Как только мы затащили кита на разделку, вырубаем сердце и – на камбуз. Чтоб свеженькое отведать.
– Под спирток? – осведомился Артур, подливая в стаканы.
– Куда там, – затряс бородой Кунц. – Сухой закон! Иначе с похмелья скользнёшь по жирным слегам, да в варку! Было у нас с одним такое...
– Сварился? – ужаснулась Эльза, показала папиросой на тарелку с мясом и скривила змеистые губы. – Как теперь закусывать этим?
– Да тот жир давно слопали в маргарине, – захохотал Кунц. – А я сам потом не мог оставаться на китобое – всё Филька тот представлялся в склизких резиновых сапогах. Ушёл я на траулер, там строгости меньше, бражонку ставили, девах на рыборазделке полно...
– Представляю, какие нравы на той разделке... – дёрнулась Эльза и стала подкрашивать губы.
– Вольные! – закатился смехом Кунц.
Василий покосился на товарища и подначил того:
– Вот и объелся свободной любови, Ваня.

– Настоящего хочется по-настоящему, – вздохнул вдруг Кунц и уставился на Эльзу невидящим взглядом. – Арина вон с рыборазделки, а какая деваха славная. Да мичман там уж вьётся винтом...
– Какие твои годы, Ваня! – обнял Василий соседа и взъерошил ему бороду. – Жизнь – это карточная игра. И у каждого есть шанс выиграть, только не зевай, Фомка.
Супруги переглянулись, как показалось Василию, по-особенному. Артур затянулся папиросой, вынул колоду новых карт и потрещал ими над столом. А Эльза объяснила:
– И мы втягиваемся от скуки в картишки по-вашему... В очко жучимся... Ловкая народная игра...
– А можно и сыграть, – разошёлся Кунц и широким жестом потребовал у буфетчицы ещё коньяку. – Корову не проиграем, а потралить в хорошей компании оно очень даже к месту!
– Только здесь не место для игры! – бросила официантка, оставив на столике новую бутылку коньяку.
– А мы переберёмся в наше купе, – предложил Артур, ловко подливая в стаканы. – Выпьем за русскую широту, а у нас пивком подгоним.
– Бархатным пивком, – муркнула Эльза.
Артур же поднял тост за русских отчаюг, которые умеют стоять друг за друга в отличие от тех же китайцев, гребущих каждый под себя. Тут же он вспомнил, как в конце войны наблюдал в Шанхае мародёров. Пальба в городе ещё не окончилась, а китайцы уже начали грабить магазины. Советский майор с пистолетом бросился останавливать грабителя с тюком материала, но мародёр наутёк. Офицер выстрелил китайцу по ногам – тот выронил тюк, заверещал. Второй бросился не к раненому, а за тюком. Майору пришлось стрелять и в другого. Тогда тюк перешёл к третьему, пока и этого мародёра не настигла пуля...
– Что говорить про них, если им соли никогда не хватало! – хохотнула Эльза. – Всегда восточника спрашивали: «Ходя, соли надо?»
– Зато трудолюбию у них поучиться в масть, – напомнил Василий.
При слове «масть» Артур потрещал колодой, кивнул на выход и направился в тамбур уверенной походкой транзитного пассажира. Рассовав по карманам остатки пиршества, троица последовала за ведущим.
Василий уже не ощущал внутреннего тормозка, с весёлым приплясом он шёл по переходу в мягкий вагон за бравым Кунцем и даже с силой двинул плечом проводника, пытавшегося встать на пути.
– Вот наша фанза юла немиюла! – объявил Артур, катнув перед гостями дверь купе.
– Ив фанзе нашей шанго! – вторила Эльза, вдёргивая попутчиков в уютное купе. – По-русски если, оченно прилично. А мы купе у проводников надолго откупили.
– В нашем вагоне похуже, – заметил Василий, опускаясь на мягкую полку, – да в одном поезде, как одной семьёй едем.
– И делимся всем по-братски! – добавил Кунц, выставляя на столик со стаканами бутылку коньяку, баночку крабов и пачку «Казбека». – По-дальневосточному, по-тихоокаянски!
Артур потрещал картами как бы в знак согласия, но передёрнул усиками:
– Дружба дружбой, но игра врозь!
– Очко, оно и в Африке очко! – согласился Кунц, налил всем по доброй порции коньяку и поднял свой стакан. – Гуляй, друзья, не жалей презренных рублей! Эх, раз, ещё раз, ещё много, много раз!..
Компания шумно поддержала тост, все выпили и выложили на кон по сотне для начала. Эльза на правах хозяйки раздала карты, и туз выпал Артуру. Пошучивая над тем, кому фартит в карты, а кому в любви, хозяин стал сдавать карты на прикуп, начиная с развесёлого Кунца. Блестящие перстни на длинных пальцах Артура завораживали глаз, и бородач перебрал карту, добавив в банк новенькие дензнаки. Пролетел с недобором Василий, с небольшим убытком оказалась и Эльза.
На кону подрастала кучка денег, и Василий уже трезвел от мысли: «Не такие уж они новички в игре... Похоже, прикидывались... Может, и шулера?.. Да из поезда от нас куда уйдёшь?..

Тем более, могу тряхнуть стариной... Пальцы ещё не скрючило... Только подойдёт очередь метать!..»
Кунц пытался вновь плеснуть в стаканы коньяку, но Василий остановил его с весёлым оскалом:
– Так, кореш, ты игру всю спорешь!
– Лучше сорок раз по разу, чем ни разу сорок раз! – закуражился Кунц, выхватывая из кармана пачку денег.
Эльза игриво затрясла грудями в сидячем танце, а её муж достал из угла две бутылки с пенным напитком и наклейками «Бархатное пиво».
– А мы на пересдачу по бархатке скользнём! – объявил Артур, подвинул отыгранные карты «по солнышку» Василию и начал откупоривать бутылки с редким пивом.
Перетусовав колоду, сахалинец небрежно выдал пару карт Эльзе, потом по её кокетливому кивку прибавил третью и по довольному виду хозяйки понял, что у неё неплохой набор. «Ну, держись, Фомка! – приказал сам себе Василий и начал набирать свой букет, нащупывая каждый уголок, словно взрыватель у мины. – Маракуй пальцами! Кноцай всеми фибрами!..» Сосредоточившись, он вынул туза, восьмёрку и двойку. Небрежно открыв «двадцать одно», сахалинец потянулся к стакану с пивом и произнёс:
За выигрыш можно и пивка.
Круглые скулы Кунца задёргались яркими поплавками над бородой, торжествующий рык огласил купе:
– Фартово тралишь, Вася! За тебя, Сахалин!
Артур и Эльза благосклонно пополнили стаканы гостей пивом, сами же глоточками допивали коньяк.
А пиво бархатно соскальзывало в горло, ласково озаряло нутро и настраивало на новый расклад. «Не корову проигрывают, – соображал про пару Василий. – А поучить их нашей ярмарке стоит...»
Однако карточная колода вдруг посыпалась из его пальцев, мягкая тяжесть навалилась на плечи, а столбы за окном побежали в другую сторону. Уже смыкая тяжкие веки, Василий увидел задранную бороду Кунца и уловил мельканье перстней над кучкой денег, их игровым банком. «Наш кон! – силился крикнуть Василий, но глоток бархатного пива перехватил горло, а вроде как из вагонного радио долетело: – Теперь самих обшманают!.. На что купился, пентюх! Семью предал!.. Под трибунал тебя, бродяга с Сахалина!»

9

Очнулся Василий от голоса Герки, который теребил отца и требовал:
– Пап, вставай, нагулялся, пойдём в свой вагон! Мама переживает, бабушка...
Василий сглотнул горькую слюну, развёл веки пальцами и под привычную вагонную тряску сумел поднять голову. Рядом охал Кунц, хлопая себя по карманам. На суровое лицо сына страшно было взглянуть, хоть Герка участливо совал портсигар в накладной карман отцовского кителя. Однако Василию следовало стряхивать с себя дурь, и он ткнулся в открытую дверь, за которой мичман и Трофим расспрашивали проводника.
– Они сошли в Омске, а вы не проверили за ними купе, товарищ проводник? – наседал на коротышку Тимофей, поигрывая плечами под погонами. – Вы же были на вахте!
– Гостей из вашего вагона просили не будить пока, – ответил проводник, косясь на одыбавшую пару. – А тут всё ясно: перебрали граждане, а мне шум ни к чему.
– Чего ботать – сами виноваты, – охнул Кунц, булькая остатками коньяка. – Нарвались на артистов. Под хорошее настроение подпоили они нас какой-то гадостью, обчистили, кому теперь докажешь...
– И я-то, Фомка, позорно как сгорел! – закашлял Василий. – Начал обыгрывать шулеров, а они нам свой козырь! Бархатное пивко с начинкой!
– Я поздно хватился, – признался Герка. – И зарисовать не успел их.

– Судя по описанию, известная парочка, – заметил Трофим. – Келя-Меля это и Верка Замазка. Фрукты ещё те, оторви да брось!
– Могли бы и нас в окно? – просипел Кунц.
Трофим кивнул, поскрёб в своих седых клочках под шляпой и проговорил:
– Эмигранты-репатрианты так не разъезжают у нас, мантулят, где Макар телят не пас...
– О-ох, – простонал Кунц, вываливаясь в коридор, – продажная ты шкура, Силантьич! Позорный кондуктор!
Проводник лязгнул дверью купе так, что переполошил весь свой вагон, и заверещал:
– Они ещё и оскорбляют! Вон из моего вагона, пьянчуги! Доведу до сведения начальника поезда! Недолго ссадить, а то и сдать куда надо! Ишь ты – раздухарилися-я!..
Ропот пассажиров из всех купе подхлестнул чужаков, и плацкартные заспешили в свой вагон, из которого в мягкий направлялся Денис на разборку с коллегами.
А тринадцатый встретил своих привычным шумком, смешанным запахом варёной картошки, рыбы, портянок, курева, туалета и одеколона. В гнездовском углу на стиральной доске поблёскивал чайник, вокруг которого будто вели хоровод чашки.
Василий с ходу принял чашку из рук тёщи, которая пригласила на чаепитие и остальных соседей, явно оттягивая объяснение зятя с дочкой.
– Ох, мать, бить нас мало, – стал виниться перед Федорой сам Василий, – так опохмелились, что вспомнить тошно...
– Как в частушке, – добавил Кунц и просипел:
Мы с приятелем вдвоём
Работали на дизеле.
Он чудак и я чудак –
У нас и дизель стибрили!
Соседи рассмеялись, не сдержала улыбки и Антонина, хотя продолжала обстреливать мужа вцепистым взглядом.
А Юрику досталась от Герки жёлтая этикетка, и он прочитал вслух:
– Пиво бархатное.
– На нём мы и погорели, – признался Кунц, жадно прихлёбывая чай.
-– От пивы-то как гореть? – не понял Юрик.
– Хуже бензину оказалось, – вздохнул рыбак, пошарил по карманам и выдал шоколадку мальчишке. – Гостинец вот сберёг да главный груз под надзором такой команды сохранен, хвала Федорушке...
– Как не жалко на водку деньги транжирить? – пробурчала Антонина.
– И коньячком побаловались, – съязвил Василий. – Для чего же он вагон-ресторан? Цены коммерческие, да мы что, не заработали себе на дорогу?
– Всё одно пропадут деньги в скором времени, – поддержал гулеванов Забродский. – Инфляция-девальвация быстрее нашего поезда!
Весь угол примолк над чашками с чаем, будто подгоняя скоростной постук колёс. Однако казённое сдвоенное слово маячило где-то впереди и никому ничего хорошего не сулило, особенно тревожа Гнездовых.
Антонина перестала коситься на Василия, прилегла к телогрейке и стала ощупывать её, словно уже засомневалась в сохранности начинки.
Громкий вздох Зинаиды прервал раздумье кутка.
– Успеть бы до реформы дочку провести по профессорам, с мелочью потом куда сунешься?
– А мне маму бы поддержать, – сказала Арина, берясь вновь за свои спицы, под которыми нарастал пышный свитер.
– Большой Злыдень могёт попользовать денежный момент, – рассудила Федора, – чтоб народу слёз прибавить, да будем держаться друг друга, как твои петли, девонька, свяжется против него и сама кольчуга...
И подливая пахучий чай в чашки соседей, Федора продолжала разговор о людском недомыслии, которое в том, что «наш человек зазря нигде не пройдёт: рубль пнёт, а копейку

подберёт». По рассуждению тёщи выходило, что Бог наделил человека Сибирью, дабы тот доказывал добрыми делами образ и подобие самому Всевышнему. Да человек, как малое дитя, уклоняется от горнего предназначения, слептырём не видит необозримых земель с лесами, как можно трудом утвердиться здесь, а под водительством лукавого все норовит обобрать ближнего.

Мысленно соглашаясь с тёщей, Василий потирал ноющую руку, заливал изжогу чайным настоем и подсчитывал карманные потери. Деньги недолго было пополнить из основного запаса. Труднее было восстановить внутренний стрежень, который раньше не позволял обвести его, стреляного воробья, вокруг пальца каким-нибудь проходимцам, и являлся надетой семьи. «Видно, старею, – напросился вывод в смурной ещё голове, – раны-контузии опять же».

Да следовало обмозговать срыв, затаиться и зализать раны, как после неудачного рейда за «языком» с потерями. И то был выигрыш, что жена с тёщей пока не знали про его позор с подтравкой, считали его поход с Кунцем пьяной блажью. Его семье не надо было объяснять, что в Василии Гнездове с детства укрепился корешок товарищества, который на фронте разросся, а ныне проявляет себя самым неожиданным образом. И Герка правильно понял отцов порыв подставить товарищеское плечо рыбаку, вовремя дал сигнал соседям, а те уже сошлись в пути по душевной потребе, как мечтает тёща... Пришли на выручку без особого шума, товарищи...

А Федора как раз завела историю про двух товарищей, которые как бывшие пленные отбывали срок в нережимной колонии и бежали из-под надзора.

– Уже до Хабаровска дошли ребяты, да тут передохнуть настала пора, – рассказывала тёща с такой доверительностью, будто сама сопровождала беглецов. – В городе намечалась у них перевалка, да занемог один из парней – без помощи не добраться. Доплелись они кое-как до старого кладбища, нашли пустой склеп и укрылись в нем от дождя. «Пойду, Карпуха, до посёлка, – говорит здоровый хворому товарищу. – Вернусь с подмогой. Жди».

Добрался парень до известного адреса в посёлке, наелся до отвала и заснул в тёплой избе, забыв про товарища.

А хворый в тёмном склепе ждёт верного напарника, стонет да жуёт соломку.

Как вдруг в лазе показалась женщина в белом, лицо бледное, глаза – льдяшками.

«Бросил друг тебя! – зазлобилась женщина. – Наш ты теперь, бегунок! Хо-хо-хо!..»

Ветряным морозом отдался тот хохот в склепе и подстегнул парня. Поднялся беглец, вылез из склепа и побежал в горячке, творя на ходу молитву. И Бог вывел его в Рабочий посёлок, как раз к нашей калитке.

Подобрали мы его с дочкой, отпоили чаем с малиной, откормили, несмотря что сами жили с малыми детишками по карточкам. Оклемался наш Карп, выждал погоду и ушёл по темну. До самого Урала ему надо было добраться, до родни, до матери родной.

А товарища милиция отловила в доме, где запамятовал тот про хворого. Вот и вышло наказанье за порушенный зарок: «Сам погибай, а товарища вызволяй!»

– Вот и Вася меня повызволял, – напомнил Кунц, как бы извиняясь перед Антониной и Федорой. – Сдружиться с такими людьми – фартовый улов.

– Улов был у ваших знакомых из мягкого вагона, – подхватил неожиданно появившийся Денис. – И мне из-за вашей картёжной гулянки пришлось понести кой-какой разор!

Василий приложил палец ко рту, подавая проводнику знак молчания, но тот продолжал обсказывать разборку с Силантьевичем, как пришлось заминать конфликт, не доводя происшествие до начальника поезда.

– Магарыч с вас причитается, гулеваны-картёжники! – объявил Денис с весёлой ухмылкой.

– За мной не застоится, Денис Аверьяныч, – заверил Кунц.

– И я в долгу не останусь, – добавил Василий. С полки донёсся гневный стон Антонины.

На уральский взъём поезд поднимался с заметным усилием, хоть Уральские горы в сравнении с Байкало-Саяно-Енисейскими хребтами выглядели горушками. Возвышенности на великом пути в Москву становились мельче, уступая равнинам, а города чаще и крупнее. Свердловск уже на подъезде поразил пассажиров с Дальнего Востока обилием многоэтажек, множеством заводских труб и низким небом, серым от дыма.
В альбоме у Герки появился частокол труб с тягучими дымами, а Юрик пропел:
И труба с трубою говорит...
«Вот же Чилим, – поощрил Василий сына улыбкой, – схватил на лету песню про звёзды и уже перетусовал на свой лад».
– Поэтом будет твой Юрок, – сказал Трофим и принюхался к пахучему сквознячку, – если только останется что воспевать в будущем смраде индустрии...
– Ну, пространства вон какие проехали мы, – вскинул руки, опутанные Арининой ниткой, Тимофей. – А моря, океаны разве замутить?
Кашель дочки Забродских заставил замереть даже неутомимую вязальщицу, которой помогал мичман. Мать Саши тут же поднесла девочке кружку с настоем, остановив неожиданный приступ.
– А техническую революцию никаким настоем не заблокировать, товарищи, – заявил со вздохом Забродский. – Катком пойдёт по природе, по нашему здоровью и детишкам...
– Как любая революция, – поддакнул Трофим.
– На потребу Большому Злыдню, – согласилась Федора.
Василий хотел ввернуть тёщину поговорку про козу, которой «нагадали смерть, а она бегает да – пердь», но тут к ним подгадал молодой проводник. Мишка нёс веник, хоть Федора с утра вымела свой участок начисто.
– И наша революция на потребу тому Злыдню? – как бы между прочим поинтересовался проводник.
– А на чью же! – ответил Трофим, кивнув на город за окном. – Начали с царя и его семьи как раз здесь... Девчонок Николая да мальчишку за что шлёпнули? Чем они помешали великой революции?
Веник выпал из руки Мишки, его подхватил Юрик и вернул проводнику с вопросом:
– За что мальчишку?
Василий подгрёб сына к себе, потрепал его за ухо и напомнил:
– Много будешь знать, быстро состаришься.
Юрик пытался объяснить, что знал про царя по сказкам, а тут услышал взаправду, но поезд стал тормозить, и в вагоне поднялся предостановочный шум. «Правда не для твоих ушей, сынок, – заметил про себя Василий, отправляя Юрика к матери. – А попади наши разговорчики в казённый переплёт, можем и не доехать до места, Чилим!» А вслух он шепнул Трофиму:
– Заметил, Иваныч, какой интерес у Мишки?
– Топырит уши парень, таращит глаза, – согласился Трофим. – А у меня нервы не держат. Знаю, помню, вижу, а сдержаться не могу.
Сахалинец протянул портсигар бывшему зеку. Трофим выбрал папиросу вздрагивающими пальцами, нервно помял её и потянулся к выходному тамбуру вслед за оживлёнными пассажирами.
Поезд остановился на первом пути против внушительного вокзала с пристройками, и Василий потянулся по обыкновению за чайником, чтобы сбегать за станционным кипятком. И тут он услышал постук крышки чайника в руках тёщи – Федора сама устремилась на перрон. Мать Антонины направилась к выходу с такой оглядкой, что Василий заподозрил неладное и последовал за ней, прячась в людской толчее.
Федора, выискивая кого-то взглядом, приблизилась к будке с кранами, наполнила чайник кипятком, но осталась у водогрейки, словно ожидая помощи.

Василий уже решил сам помочь тёще с тяжёлым чайником, как вдруг к ней подошёл мужчина в шляпе до самых глаз. Незнакомец пожал свободную руку Федоры, припал к её плечу и начал что-то горячо говорить.
Удивившись такой встрече, Василий скользнул за спинами пассажиров за угол водогрейки и затаился вблизи странной пары. Сквозь людской гомон, объявления по вокзальному громкоговорителю и паровозные гудки до его ушей доносились обрывки разговора незнакомца с Федорой.
– ...Мамаша получила телеграмму от вас, Федора свет Матвеевна... Я прямо ошалел от радости, что увижу вас... Документы теперь у меня в порядке, не бойтесь... Жаль, проездом вы... Но в память за ваше участие, Федора свет Матвеевна, мы с мамой вам подарок...
– Ох, да живой оказался, Карпуша, вот он подарок!..
– И это возьмите... Мама от всей души... Библия.
Мужчина передал Федоре свёрток, и она прижала его к груди свободной рукой.
Василий понял, что стал свидетелем встречи Карпа из Федориной истории о беглецах с его тёщей, и ему лучше не вмешиваться в разговор этой пары. Отступив к своему вагону, он закурил и с озабоченным видом дождался тёщу.
– До отправления всего ничего, мать, а ты с кем-то балясы точишь, – встретил он Федору и забрал у неё горячий чайник. – Знакомого встретила?
– Мой беглый пришёл по моей телеграммке, – объяснила Федора и покачала увесистый свёрток. – Балакала я про него вам... А он, как по Божьему наущенью, явился да гостинец какой мне Карп Титыч преподнёс, Василь! Святое писание!
– Неси в вагон подарок, – посоветовал Василий, окутываясь дымком папиросы, – да никому особо не показывай, Федора свет Матвеевна!
Тёща уставилась на него васильковыми глазами так, будто зять ясновидец, забрала у него чайник и с помощью Кунца поднялась в вагон.
А Василий закурил новую папиросу, обмысливая свиданье тёщи с уральцем. Он считал, что знает каждый шаг своей семьи, но просмотрел тёщин затай. «А её секрет мог обернуться и другим концом, – дымком всплыла мысль. – Был шанс встретиться с людьми казённого дома не только у тёщи, но и у всей семьи»...
Заныла рука от мысли, какую мину замедленного действия держала мать в семье... И вспомнилось, как Федора предлагала раз отдать «неправедные деньги» на сооружение православного храма в их городке. «Может и ещё выкинуть какой-нибудь доброхотский фокус, – решил Василий и приказал сам себе: – Не спускать глаз со старой! Упреждать каждый её шаг! Напоминать про Большого Злыдня!»
Поставив сам себе решительную задачу, Василий направился было в вагон, но тут навстречу ему спрыгнул Кунц.
– Вася, друг, – дыхнул он перегаром в лицо сахалинца, – надо поговорить с тобой по важному делу. Да для разгона принять по стопарю перед таким советом... Понимаешь, тебя касается вопрос, твоей семьи, мой жизненный момент надо обмозговать с тобой отдельно, чтоб пока мы одни, и поезд ещё стоит...
И не успел Василий предложить Кунцу папиросу, как сосед потащил его к киоскам, возле которых толклись мужики с пивными кружками в руках. Пришлось остановить рыбака на полпути.
– Может, такой вопрос, что от поезда отстанем, Иван?
Кунц помялся, закурил папиросу и вдруг выпалил:
– Вася, дай мне «добро» посвататься к твоей тёще!
Василий чуть не проглотил свой бычок, откашлялся и пробормотал:
– Ну, час от часу не легче... У тебя что, Иван, шарики за ролики заскакивают со стакана сорокаградусной?
– Ориентиров не теряю, Вася, а ты сам присмотрись к своей Федоре Матвеевне. Редкая женщина! С ней жизнь, как кораблю в надёжной бухте. А сколь можно мне мотаться по бурным морям-океанам, друг?

– Да она уже в возрасте, Ваня, какая тебе пара...
– Сам давно не юнга, а возраст что, был бы человек с душой... Так что, по петушкам, Вася?
– Я её на поводке не держу, как сама решит...
Кунц радостно сжал руку Василия и потащил его к киоску, объясняя на ходу:
– Обмыть такое дело сам Бог велел. Главное, твоё согласие. А Федора Матвеевна разве будет грести против своего фарта?
– Ручаться не могу, Иван, – предупредил Василий, но возбуждённый Кунц уже устремился к оконцу киоска, на ходу выхватывая деньги из кармана.
Тут только Василий сообразил, что попал в сложный оборот: он как бы отказывался от тёщи в пользу гулеванистого приятеля. Не дрогнул ли он от её выходки с телеграммой? А как посмотрит на их блажь беременная Антонина? «Пусть встряхнутся женщины, – решил сахалинец. – А вдруг потянет Федору на свой семейный островок? И рыбаку засветил маячок, чего перечить неплохим людям!»
Приняв от Кунца стакан с водкой и пирожок, Василий подбодрил приятеля своей поговоркой про Фомку. Но у самого кошки заскребли на сердце после выпитого, хоть сосед доказывал, какой фарт выпал ему в этом поезде встретить семью Гнездовых. Василий поддакивал, когда Кунц стал расхваливать Федору, но, возвращаясь в вагон, начал прикидывать, как не досадить тёще и жене блажью Кунца.
И тут сам рыбак совершил промах. Заговорившись, он ступил ногой мимо ступеньки вагона, рухнул на перрон и свёз себе скулу. Кровь хлынула на усы, бороду и штормовку рыбака.
Василий в один миг поднял соседа, с помощью проводников завёл Кунца в вагон и уложил на полку. Здесь уже верховодство взяла на себя Федора, которая наложила на лицо бедолаги примочку из трав и перевязала его косынкой с узелком на бороде.
– От твоих рук заживёт, как на собаке, Федора Матвеевна, – уверял рыбак, пытаясь чмокнуть пятерню соседки. – Век бы лечился у тебя...
– Трошки поостеречься б тебе от рюмки, голуб, – увещевала его Федора. – Нетверезому век короток.
– Завяжу, Федорушка, морским узлом завяжу! – клялся Кунц, подморгнув Василию. – Только подтяну один трал. С помощью твоего зятя. Важнецкий трал! Оклемаюсь и потяну...
Василий ободряюще кивнул в ответ на соседский намёк, а сам облегчённо перевёл дыхание: «С такой физиономией ты нескоро потянешь жениховский трал, Ваня, до Москвы едва ли насмелишься. А там такая перевалка, кореш... Тысяча удовольствий! При твоих деньгах остаться бы живу!»
Поезд между тем застучал колёсами на стыках, а Василий продолжил свои раздумья над тем, что и его семью ждёт столичная перевалка. На Сахалине они отвыкли от хватких интересов материка, ожиданий подвоха со стороны и умения крутиться в гуще людей. Теперь следовало для защиты семьи с дорогим грузом припомнить весь свой бродяжий опыт и навык разведчика. «Иначе не отделаешься ссадиной, как у рыбака, – заключил сахалинец. – Можно остаться с чайником да стиральной доской». Даже случись какая нелепая потеря денег, лучше сразу поворачивать назад. Без накоплений они в родовом доме были бы «иваны с трудоднями», как любил выражаться Гнездов-старший. И всё соседство в Дмитриеве будет судить о приезжих по расходам. На «бродяг с Сахалина» по приезду их уставятся сотни глаз – с чем пожаловали из дальних мест? Там не любят неудачников, вахлаков и пустышек. Родина стоит недёшево для отрезанных ломтей: слишком часто и долго её трепали – от татарвы с монголами до чекистов-активистов. И от каждого нового пришельца устойчивое население требует отчёта: чем ты докажешь свою могутность? И перво-наперво покажи свой достаток!
Василий кинул уцепистый взгляд на телогрейку под головой Антонины, подмигнул жене и потянулся к чайнику, который уже успела заварить тёща своими душистыми травками.

На последних часах пути до Москвы Кунц все же пытался объединиться с Федорой и начать с ней серьёзный разговор. Да его распухшая физиономия, обвязанная косынкой, никак не способствовала сердечному общению, как понимал Василий. А не подстёгнутый спиртным, рыбак терял перед Федорой дар речи, начинал плести что-то про свою мечту о тихой гавани, куда пора прибиться потрёпанному сейнеру, стать на прикол и сушить сети.
Соседка одобрительно кивала, советовала не трясти деньжонками, а сохранить их для оседлой жизни в его родной Калуге.
Василий собирался уже сам помочь рыбаку озадачить Федору напрямую, желая испытать тёщу на верность их семье. Да сосед в очередной заход начал доказывать соседке, что спокойная жизнь для него немыслима без рачительной хозяйки, которую не так просто встретить по нынешним временам.
Федора стала объяснять, что порядочную женщину следует искать не по гульбе, а по труду, привязанности к родичам и богобоязни.
– Это учтя, голуб, что и у хорошей хозяйки за год пуд грязи съешь, – предупредила она. – Выходит, самому надо быть тверезым хозяином, а не вахлуем.
В порыве откровения Кунц рванул на груди куртку, обнажая тельняшку, и начал бормотать про зарок сам себе, но тут зашлась в кашле Саша. Кружка девочки оказалась пуста, и Зинаида взмолилась:
– Федора Матвеевна, настой кончился!
Соседка заспешила в свой угол, достала банку с целебным наваром и пополнила Сашину кружку. Потом Федора сама напоила девочку, пошептала над ней заговор и растёрла ей тело по известным ей точкам. Про такой точечный массаж целительница говорила, что переняла его на Сахалине, у японцев, и называется он «шиацу». Федора учила и Сашиных родителей определять точки, улавливать токи тела и правильно вдавливать пальцы в те узловые места. Да точечная практика не давалась Забродским, и теперь они глядели на тёщу Василия как на «скорую помощь».
– Опять к городу подъезжаем, – определила Федора, – от его атмосферы и лихоманка у девочки.
– Ярославль, – подтвердил Денис и показал веником в окно, – в нём тоже «атмосфер» крепко подпорчен.
– Что же нам, Федора Матвеевна, возвратиться назад? – спросил Забродский, протирая очки.
– На островах Саше было климатно.
– Рыба ищет, где глубже, – напомнила Федора, – а человек – где лучше да здоровше.
– Привыкнет к городскому климату, – заметила Зинаида. – Что же, профессора ни на что не годятся в Москве?
Забродский водрузил очки на крючковатый нос и сам стал походить на киношного профессора.
– Увы, везде инфляция-девальвация, – произнёс Сашин отец тусклым голосом. – А народное разумение доказано и в поезде дальнего следования.
– Нашёл разумение в общем вагоне! – выпалила Зинаида, встретилась взглядом с Федорой и запричитала над кружкой с настоем: – Ох, Федорушка, у самой в голове кавардак! Что плету? Прости меня, грешную!
– Бог вам судья. – Федора перекрестила Сашу, отступила в своё купе и на ходу добавила: – А дочкина жизня, можа, будя не на совести дохторов, на вашей!
Кунц одобряюще крякнул, Василий показал тёще большой палец, а Юрик направился к отцу и шёпотом предложил:
– Пап, а давай возьмём Сашу с собой?
– Зачем, сынок? – опешил Василий.
– А чтобы бабушка её вылечила не на скорую руку, а будь здрав, как меня.
– Да у неё родители хотят лечить её по-своему, сынок.
– А наша бабушка лучше.
– Они будут в Москве, а мы в Дмитриеве.

– В Москве такой бабушки нет.
– В столице столичная медицина, Чилим.
Юрик задумался, ковыряясь в носу, устремил жалостливый взгляд на Сашу и пообещал:
– Письма буду ей писать, чтоб в случае чего ехала к нам.
– Самим надо сначала доехать. – Василий привлёк сына к себе, чмокнул в ершистую макушку и подтолкнул к тёще. – Иди к своей бабке, перенимай её знахарство, вырастешь – сам будешь лечить людей.
– Сначала у дяди Тимофея за дорогу выучусь боксу, – пообещал Юрик. – Потом уж с бабушкой займёмся.
Герка, загородившись своим альбомом, засмеялся над братом, и тот набросился на старшего с кулаками, доказывая бойцовскую прыть. Антонина пыталась окриком утихомирить сыновей, но тут в потешную схватку с мальчишеским задором вступил Тимофей, оторвавшись от Арининых клубков.
В гнездовском отсеке поднялась лёгкая буча, и Василий отступил в служебное купе, где можно было не только покурить при открытом окне, но и обсудить с проводниками предстоящую перевалку в Москве с Ярославского вокзала на Курский.
Денис с Мишкой как раз обсуждали в служебке свои проводницкие дела по обороту вагона уже в обратный путь. Закурив с Василием из красивого портсигара сахалинца, Денис отправил напарника обслуживать остановку поезда в Ярославле и участливо спросил у пассажира:
– Что, друже, помаленьку собираешь свой десант на высадку в белокаменной?
Вещей вагон и маленькая тележка, – пожаловался Василий, выпуская дым в прираскрытое окно. – Моё бабье прихватило с собой весь шурум-бурум. А мне прикидывай теперь, как в Москве с таким грузом перекантоваться? С Ярославского на Курский!
Проводник озабоченно погрыз папиросный мундштук стальными коронками, повскидывал щетинистые брови и проронил:
– Были бы деньги, а остальное найдётся. С таким ещё фертом перекинут водилы с вокзала на вокзал. Но Москва деньги любит! А ты ведь не пустой едешь, Вася...
Василий неопределённо кивнул, с усилием потёр раненую руку и сказал:
– По фронту знаю: боезапас без толку не расходовать. Беречь все средства до конца. До победного конца!
Денис взял под козырёк своей видавшей виды фуражки, хлопнул себя по лбу и воскликнул:
– А ведь в самом деле! Отдать семью дяде! Когда есть простецкий ход. Наш-то отстойный тупик как раз рядом с Курским вокзалом! Вот и оставайтесь в нашем вагоне до Курского.
– А там какая перегрузка? – заинтересовался Василий. – Жена у меня в положении, ей переходы – нож острый.
– Пристрою вас в старый вагон, где временные обитают, – напористо продолжал Денис. – Там переждёте без разора на своих узлах-чемоданах. Закомпостируешь билеты в свой конец и – на другой поезд перетащишься! К колёсной жизни вам не привыкать...
– Да моя семейка, как стручки! – вскрикнул Василий, раскрыл перед Денисом портсигар и пообещал: – Сделаем вёе ладом, твой зарядник! Такая вещь дорогого стоит, согласись!
– Вот будет память, так память! – затянул Денис, поворачивая портсигар перед окошком, через которое донёсся жестяный голос вокзального громкоговорителя: «Граждане пассажиры, на стоянке поезда будьте бдительны, не оставляйте личные вещи без присмотра».
Динамик засипел, и речь оборвалась. Но в прираскрытое окно с задымлёнными стёклами донеслись вдруг знакомые голоса, и Василий с Денисом насторожились, различив и сквозь перронный гвалт Кунца и Федору. Позвякиванье крышки чайника напомнило Василию о том, что тёща на больших стоянках наполняла чайник свежим кипятком и сейчас побежала к водогрейке, да бородач, как видно, перехватил её у самого выхода. Под общий шумок Кунц осмелел, ухватился за чайник и взмолился:

– Федора Матвеевна, выслушай меня здесь, чтоб душа в душу... Сама уже понимаешь, приглянулась ты мне за дорогу. Осчастливь!.. Стань подругой жизни мне... Сплю и вижу, как дальше заживём с тобой мы, Федорушка, тем более денежная база сохранённая...
Грохот чайника заставил вздрогнуть Василия, а Денис беззвучно засмеялся, сверкая металлом зубов.
Чайник, выпавший из руки Федоры, враз был подобран, и Федора только охнула:
– А был бы полный?
– Полный сейчас я, Федора Матвеевна, ожиданием ответа... на заглавный вопрос жизни...
– Ты только не насуропься, Иван Альбертыч, а узри: несвободная я.
– Я все и во хмелю вижу, Федорушка, на семейство зятька стараешься. А ведь можешь ещё своим домом зажить, хозяйством, обиходом.
– Эх, сладко баишь, Ваня, да не та баня. У меня в моей семье служение-послушание, как перед Господом Богом.
– Да в семье Василия и так всё вкрепь. А мне по-божески помочь в семейственности – самое то! На мне свет клином не сошёлся, голуб, пошукаешь и найдёшь справную деваху – сколь их теперя без мужиков-то... Будя тебе одному бедовать!
Крышка чайника затарахтела в такт удаляющихся шагов Федоры, и Василий незряче достал новую папиросу из портсигара. Понимающе дав ему прикурить, Денис проронил:
– Под такой фартовый запрос можно бы и рискнуть, Вася, с тёщей.
– Моя Федора Матвеевна – родной человек, – затянулся дымом Василий и кивнул на окно.
– Неволить не могу. Послушание сама придумала. После раскулачки растеряла родню, вот и восстанавливает теперь род через моё семейство.
– Могли бы и рыбака подгрести к себе, – заметил Денис. – С деньгой мужик – боезапас надёжный.
– Антонину воротит от пьяни, – объяснил Василий. – Не хватало в родне ещё одного...
Денис ухмыльнулся, выглянул в окно и пробурчал:
– Не спился бы рыбак после такого улова.
– Подскажу ему: пусть женский калибр по Федоре держит, – решил Василий. – А по такому калибру найдётся нужный человек – ярмарка большая.
– Ну, если в вагоне нашёлся ему интерес, – подтвердил Денис, – что будет в московском граде!?
Словно в ответ, над перроном разнёсся металлический голос вокзального глашатая: «Граждане пассажиры, до отправления поезда «Владивосток–Москва» остаётся пять минут».

12

В последний день длинного пути пассажиры под бодрые радиопесни спозаранку уставились в окна, разглядывая дачные домишки с садами, где на голых яблонях изредка мелькали забытые плоды. Пригородные дачи вдруг уступали место косяку каменных домов, казалось, пошёл сам город. Да вновь открывалась ширь полей с лесными островами, тихими речками и проблесками дорог. А песня напоминала: «Я по свету немало хаживал»…
А дорог, мостов, машин, людей на улицах становилось всё больше, кварталы каменных многоэтажек уплотнялись, и между ними возникали корпуса заводов с горделивыми трубами.
Однако по мере того, как поезд втягивался в город, сильнее становился кашель Саши. Тут уж Федора оставила сборы вещей и захлопотала над Сашей, давая последние указания Зинаиде по оказанию первой помощи дочери. А Забродский попросил у Василия папиросу, хоть до этого не курил, и они вместе вышли в холодный тамбур.
– Боюсь, будет нам инфляция-девальвация в Москве с Сашиным здоровьем, – признался Забродский, неумело закуривая.
– На докторов надейся, а сам не плошай, – посоветовал Василий.

– Записал я все наставления Федоры Матвеевны, Василий, – сказал Забродский, – да ведь тёща у тебя штучная, другую такую во всей Москве не сыщешь.
– Что поделаешь, Эдуард Самсоныч, оставить тёщу и вам не могу, – ответил Василий. – Не знаю, что самого ждёт в этой же Москве... не говоря уж про родной Дмитриев... Да если грянет реформа!.. Не придётся ли откатываться назад?
– Назад? – Забродский отшвырнул папиросу в дыру межвагонного стыка и озарённо произнёс: – В самом деле это же выход на крайний случай. Назад! Ради здоровья дочери не остановлюсь перед такой операцией. И Москва не удержит! Зинуха пусть помалкивает в тряпочку! Мне дочь дороже её амбиций! Назад!..
Забродский поправил очки, нахохлился и шагнул в вагон с решительностью билетного ревизора.
Василий же засмотрелся на панораму наплывающей столицы, которая в каждый проезд накатывалась на него чужеродной волной. Сталинград, с которого начиналась его военная дорога, был во много раз ближе и роднее ему. И сейчас сахалинец порадовался за свою общительность, что скорешился в дороге с многоопытным Денисом, который облегчит ему перемещение по каменному муравейнику. Выбросив папиросу, Василий шагнул к двери и столкнулся с мичманом, который явно шёл показаться Василию в новеньком свитере.
– Как свитерок, Василий Сергеич? – разулыбался Тимофей всем своим конопатым лицом.
– Шикарнее некуда, – похвалил Василий. – Доказала Аришка, что мастерица хоть куда!
– Приятно, когда о тебе заботится женщина, – произнёс Тимофей с вопросительным выражением в глазах.
– Иначе живёшь, как в окопе, – согласился Василий и одёрнул обновку на парне, придавая ему галантный вид. – А тебе, детдомовцу, женский догляд очень даже к месту.
Тимофей закивал, пригнулся к Василию и доверительно зашептал:
– Я в поезде и ощутил этот догляд, Василий Сергеич, и решился на выстрел по цели...
– То есть покончить с холостяцкой житухой? – догадался Василий.
Парень закивал, лицо его зарумянилось, и руки вытянулись по швам, как перед старшим по званию.
– Василий Сергеич, – с хрипотцой обратился он к соседу, – как ты отнесёшься к тому, что я решил жениться на Арине и сделал ей предложение?
– Это свитерком она тебя охомутала? – с улыбкой спросил Василий.
– За такую дорогу можно было определиться, – серьёзно ответил Тимофей. – А твоя семья как-то настроила меня на такой оборот. И посоветоваться мне больше не с кем, как только с тобой, дядя Вася. Я же в таком вопросе салага. Не будет у меня тут с недолётом перелёт, как считаешь?
Василий качнулся вместе с вагоном, на ходу обнял парня и гаркнул ему под ухо:
– Да рад я за тебя, Тимоша! Деваха она порядком! Рачительная и трудовая! От души поздравляю!
– Она ещё и упирается – то да се, – обрадованно забормотал Тимофей. – С московской тёткой, видишь ли, надо посоветоваться, потом мамаша...
– Пусть советуется, – решил Василий. – Поезд, и тот по расписанию, а людская ярмарка только с виду бестолкова.
За горячим обсуждением они не заметили, как их состав замер между высокими перронными стенками, и пассажиры вслед за проводниками двинулись в тамбур. Василию с Тимофеем пришлось уже пробиваться к своим, пожимая руки мятущимся соседям.
Первым из крайних вышел на перрон с лёгкой сумкой на плече Трофим. Его как будто специально встречали два офицера в фуражках с синими околышами. И проводник Мишка что-то доложил встречающим, которые жестами показали бывшему зеку на дальнюю дверь в здании вокзала.
Трофим на глазах скукожился, обречённо оглянулся на вагон и в сопровождении тройки пошёл в указанном направлении шаркающей поступью. Василию через окно показалось,

что голова седоклокого соседа с каждым шагом становится белее, словно её избирательно высветил солнечный луч из-за низких облаков серого московского неба.
– Похоже, загребли нашего Трофима! – вырвалось у Василия.
– За что же? – откликнулась Антонина. – Что он мог натворить в поезде?
– Не натворить, так наговорить... – буркнул Василий и приложил палец к губам.
– Упреждал же ты его, Василь, – вздохнула Федора, – лишнего не балакать.
– Они сам знал, что у вагона есть уши, – процедил Василий сквозь зубы.
– Где уши, пап? – отвлёкся от узла Юрик. – Какие уши?
Герка тут же надвинул шапчонку на глаза брата и прошипел:
– Будешь настырничать, Чилим, получишь по своим ушам!
Василий опомнился, шикнул на детей и стал прощаться с соседями.
Забродские тихо уводили подкашливающую дочь.
Тимофей помогал Арине вытаскивать её чемодан.
Кунц тряс бутылкой и предлагал:
– На посошок, други!
Василию пришлось выпить с бородачом, нагрузить на него объёмистый рюкзак и отправить на перрон. Возвратился он с Денисом к бутылке, оставленной Кунцем.
– Теперь переживай за каждого своего пассажира, – делился проводник с оставшимися Гнездовыми своими мыслями. – Особенно беспокоюсь за рыбака.
– Давай за фартовый причал у всех, – предложил Василий, разливая остатки водки по стаканам.
– Теперь мне вас треба пристроить по-сносному, – кивнул Денис, поднимая стакан.
Федора и тут не преминула подать мужчинам по куску хлеба с колбасой, поинтересовавшись у Дениса:
– А нашего Трофима вроде как заарестовали, Аверьяныч?
– Зек, он и на воле не на воле, – ответил проводник. – Раз уж случился разор, надо быть ниже травы, тише воды.
– Выходит, и в пути Трофима кноцали? – прикинулся простачком Василий.
Денис мрачно процедил водку сквозь бронированные зубы, пожевал хлеб и выдавил:
– Мы за пассажиров в ответе, да всех не просветишь. Что у кого на уме? Тот же мичман как военный человек мог сообщить куда следует...
– А сдавал Миха, – ввернул Герка. – Вывел прямо к офицерам!
Василий отодвинул сына к вещам, разделил свою водку с Денисом и заметил:
– Михаил, конечно, по долгу службы...
– Нам положено объясняться с органами, – признался Денис. – Ещё и меня вызовут... Ничего не поделаешь – за своих приходится терпеть... И вас вот не бросишь на путях. Надо определиться на ночлег, чтоб дешёво и сердито!..
Последнее замечание насторожило Василия, заставило покоситься на телогрейку, которую уже натягивала на себя жена, и даже пожалеть, что остался с семьёй в вагоне для сомнительной переброски. Да переигрывать было поздно: поезд дёрнулся, потянулся от вокзала и устремился на хитросплетения стальных ниток.
Вздох разочарования вырвался у ребят, когда красивые здания остались позади, а по бокам появились старые вагоны. Однако из труб некоторых пассажирских хламин потягивало дымком, фигуры людей мелькали в тупиках, и маневрушка подтягивала платформу с углём к пакгаузу.
– Исхитряются жить и зимой здесь безлошадные, – объяснил Денис. – В Москве с жильём разор.
– И мы свычные-привычные, – бодро заверил Василий. – На Сахалине в японском доме обитали.
– Тогда вперёд и – с песней! – скомандовал проводник, взваливая на себя баул.
Поезд замер, и вся семья, разобрав вещи, вынесла их на пути. Вслед за Денисом все направились к вагону в тупике, цепляясь носками обуви за рельсы.

Василий старался не смотреть на вздыхающую жену, ругая себя за то, что согласился на такое сомнительное убежище. Да отступать было поздно: их поезд должен был вскоре уйти на перезаправку, а Курский вокзал маячил уже недалеко.
– Не вы первые здесь, не вы последние, – подбодрил семью Денис, забираясь в вагон по оббитым ступенькам. – Купе отдельное вам Вовчик обеспечит. Тут он вроде коменданта. Вовчик, встречай хороших людей дальнего следования!
Рыжий парень в плешивой вельветовой куртке с готовностью подхватил вещи и стал забрасывать их в крайнее купе, откатив дверь.
– Не люкс, но перекантоваться можно, – забалагурил парень. – Даже милиция уже не трогает – порядок блюдём! Не на улице же прозябать гражданам великой страны! Тем более транзитным пассажирам!
– С самого Сахалина добираются, – пояснил Денис и потрепал Вовчика по рыжей шевелюре. – А комендант наш недоученный стюдент, всяко-разно изворачивается, чтобы выучиться все ж на инженера...
– Ночью тут гопстопники не шастают? – осведомился Василий.
– Дверь затягивается, – уклончиво ответил Вовчик. – И брать с нас нечего – наш товар не тянет на навар!
– Ну, а я ещё загляну, – пообещал Денис, взял под козырёк и направился в тамбур нащупывающей походкой.
Вовчик хлопнул себя по лбу с криком, что забыл взять у проводника на пиво, и метнулся догонять Дениса.
А Василий помог Федоре устроить на столик стиральную доску, водрузить на неё чайник и, наказав Герке оставаться за старшего, отправился разбираться с билетами.
Перешагивая через рельсы, подныривая под вагоны на путях, он ощущал прилив изжоги и боль в израненной руке. Мозжило похлеще, чем после бархатного пива в мягком вагоне. И удручала мысль, в каком аховом положении оказался он в Москве, пользуясь случайной услугой доброхота, как бедный родственник или нищенка. «При таких-то деньгах! – корил он себя. – Не могу устроиться поприличнее! Пентюх! Слабо оторваться от скарба! Семье показать столицу! Выходит, сам дрожу за шмотки, деньги, добро, как последний куркуль?! Дожил, Фомка, до своей жлобской ярмарки... Бездомником, шпаной, верботой проворней катал по жизни, сколько видел, как раздольно дышал! Главное, знал, что делают деньги с человеком... Как они заковывают его в колоду... И попал в тот же капкан! Да рыбак Кунц со своим пропойством куда шире, вольготнее, забористей тебя, слабак ты с Сахалина!»
Оступившись, он попал ногой в щель рельсового стыка и чуть не рухнул со всего маху. Случай подсказывал ему снова, что рассупониваться в его положении может дорого стоить. У него нет сильных поддерживающих рук – надежда лишь на собственную голову, хребет да удачу. «Это всё равно, что в ходке на чужую сторону нарваться на мину! – осёк Василий себя, осторожно высвободил сапог из стальной ловушки и передохнул на холодном рельсе.
– Разнюнился, Фомка! Страну такую проехал, а теперь скис? Дело завалить хочешь? Общее, семейное, выстраданное не за один год? С каких таких соплей?.. А ну вспрянь! Подберись! Вперёд и без нытья!»
Плюнув на стальную расщелину, Василий одёрнул китель и твёрдым шагом направился к серому зданию вокзала, вокруг которого мельтешили озабоченные люди.
– Теперь не зевай, Фомка! – приказал сам себе сахалинец, привычно сгруппировался и штопором вклинился в толпу у центрального подъезда. – Здесь у тебя базар-вокзал! И покажь, на что способен!
В большом зале толпа редела, но у окошечек под вывеской «Кассы» тянулись густые очереди.
Пометавшись от одной кассы к другой, Василий натолкнулся на унылые взгляды очередников. Пришлось отступить к усатому дядьке с красной повязкой на рукаве шинели «дежурный». Привычно вынув портсигар, Василий протянул его дежурному, и тот охотно угостился папиросой, хотя показал на вывеску: «Не курить!».

Василий спрятал портсигар и объяснил, что после дальней дороги с Южного Сахалина плохо соображает, а доехать надо до Дмитриева, где старик-отец при смерти.
– С самого Сахалина? – заинтересовался дядька, подбивая козырёк фуражки с сонных глаз.
– Вот где, говорят, рыбалка!
– А здесь, говорят, на серебряную удочку можно поймать, что хошь... – Василий достал стопку красных тридцаток, сверху положил билеты и впритык отдал дядьке. – И рыбкой бы отплатил, да в пути все поприели – семья-то большая.
– Дальним пассажирам надо помочь, – пробасил дежурный, сгрёб билеты с денежной добавкой и удалился в сторону касс.
«Наши деньги пока цены не потеряли, – прикидывал Василий. – Главное, подмазка действует, а иначе зачем бы рисковать такому солидному товарищу, он же ещё и кассиру должен сунуть пару красненьких...»
Пока Василий соображал, какие признаки денежной реформы могли бы проявиться в Москве, возвратился дежурный, отдал ему билеты и напомнил басистым шёпотом:
– Поезд на Курск в восемь утра. Не проспите, сахалиничи! Время-то московское!
– Дальневосточное вам спасибо от всей моей семьи, товарищ дежурный! – отсалютовал билетами Василий и вдруг спросил, будто знал этого дядьку давно: – А интерес у меня с самого Сахалина насчёт денежной реформы. Что говорят в Москве про неё?
Дежурный подправил концы своих пышных усов, воззрился на транзитника с подозрением и с ухмылкой проронил:
– Это ж надо, как слухом земля полнится... Да говорят, что кур доят, а я не верю! И ты, дальневосточник, лучше береги кошель от урок да прихлебателей! А государство семью твою не пустит по миру, если сам, конечно, не расхлябишься...
Благожелательно махнув рукой, дежурный поспешил к кассам, где в очереди началась какая-то свара. Василий вспомнил о вагоне в тупике и тоже заторопился к выходу. И на ступеньках столкнулся с Тимофеем.
Мичман был при полном параде, пуговицы на кителе, погоны и кокарда фуражки сверкали, уголки чемодана походили на гребешки волн. Улыбка на курносом лице парня при виде Василия стала прямо праздничной, будто Тимофей встретил родственника. И Василий обнял мичмана так, словно хорошие друзья встретились после долгой разлуки.
– Что, моряк, соскучился по нашему поезду? – пошутил Василий.
– По нашему экипажу, – отшутился Тимофей и объяснил, что по случаю выходного дня не нашёл никакого начальства для устройства в гостиницу, пришлось возвратиться на вокзал, где и назначена встреча на утро с Ариной.
– Хочешь на лавках кемарить? – кивнул Василий на деревянные диваны с разношёрстным людом. – В своём обмундировании?
– Вахту держать – не привыкать, – бодро отозвался мичман. – Сами-то как?
Василий рассказал, как стараниями проводника они обрели место ночлега и предложил Тимофею переночевать с ними. Не слушая возражений парня, сахалинец повёл мичмана по путям к тупику, где приютился изношенный вагон с фанерками в окнах.

13

Семья Василия обрадовалась Тимофею, как родному.
В затхлом вагоне пахнуло одеколоном, Юрик в знак привязанности к мичману изобразил «бой с тенью», а Федора предложила гостю чаю из знакомого чайника, который успела где-то наполнить кипятком и заварить по-своему, с травками-муравками.
– Ну, прямо как в родном кубрике оказался! – восхитился Тимофей, принимая чашку с чаем из рук Федоры. – Жаль, Арину к тётке в коммуналку отпустил.
– Транзитная жизнь когда-нибудь да кончается, – сказал Василий, взял у Герки альбом и наскоро перелистал его до последней страницы. – Как бумага у нашего художника.

– Жалко, что дороги наши по утрянке разбегутся, – посетовал Тимофей. – Вроде родни вы мне стали...
– Дай Бог вам с Аринушкой доброй семейной дороги, – благословила Федора парня и посоветовала: – Допрёж всего обзаведения чайник сообразите да травки собирать не ленитесь.
– Что рекомендуешь моряку, мама? – заметила Антонина из своего угла на нижней полке. – У них будет жизнь на полном государственном обеспечении, не наша шаромыжная.
– Скоро заживём по-хозяйски, как ты хотела, Тоня, – заверил Василий и потряс билетами. – А Тимофей Демьяныч с Ариной к нам в гости приедут. На дмитриевские яблочки! Верно, моряк?
Тимофей отсалютовал чашкой, забросил чемоданчик на третью полку и полез туда устраиваться на ночлег. Пожелав всем спокойной ночи, парень накрылся бушлатом и затих, словно добрался до своей корабельной постели.
И Василий после всей дневной беготни вновь ощутил нытьё в руке. Приказав своим никому не открывать дверь без его ведома, он улёгся на нижнюю полку, укутавшись шинелью. Погромыхиванья составов на путях и гудки паровозов вновь вернули сахалинца в дальний путь.
Однако на этот раз поезд вёз его семью не на запад, а на восток.
«Да там же меня поджидают японцы! – опомнился Василий. – Они же потребуют с меня полную цену за свои вещи! Тогда отдали задарма, теперь пожалели и затеяли тяжбу, вплоть до международного скандала! Нет, на восток мне больше нельзя! Не могу рисковать семьёй! У меня жена беременная... Мне на запад! Где стоп-кран?»
И поезд вроде как подчинился его сновидному пожеланию. Явственный скрежет и лязг донеслись до ушей, будто состав резко затормозил. И тут же ощущение явной опасности от лязгнувшей двери подбросило Василия, который ударился головой о среднюю полку и мигом проснулся.
Прямо в лицо Василия ударил луч фонарика, который выставил перед собой детина с ножом в другой руке. Второй налётчик сзади держал наготове ломик-выдергу и подталкивал первого на Василия.
– Деньги! – потребовал первый сиплым голосом. – Швидко усю мошну!
– Выкладывай, мужик, а то под откос! – добавил второй, колотнув выдергой по полке.
– Какие с нас деньги? – запротестовал Василий, лихорадочно соображая, каким узлом можно отбиваться от амбалов. – Мелочь могу собрать...
Давай швидче, хрен моржовый!
Деньги или житуха, батя!
Баулы и чемоданы под ногами мешали Василию провести резкий таран и налётчикам развернуться, но первый детина все ближе размахивал финкой, сверкающей в свете фонарика.
– Что ж вы, антихристы, деете? – раздался голос Федоры.
Луч фонарика дрогнул, подскочил к потолку, а оттуда на него обрушился чемодан. Первый налётчик рухнул на вещи, и тут Василий оглушил его чайником.
В тот же миг Тимофей, точно метнувший свой чемодан в первого налётчика, спрыгнул на второго и, увернувшись от выдерги, выкинул второго ударом кулака в коридор. Потом вопль налётчика донёсся из тамбура, и ещё что-то грузно шмякнулось рядом с вагоном.
Возвратившись, Тимофей помог Василию поставить на ноги детину и с одышкой спросил:
– И этого выкинем?
– Язык! – отозвался Василий, осветил коридор захваченным фонариком и втолкнул налётчика в открытое купе Вовчика. – Допросить треба!
Детина забился в обшарпанный угол, прикрылся руками от фонарного луча и заканючил:
– Да чого, мужики, пошутковалы мы...
– Шутки со взломом? – гаркнул Василий и отбил руки налётчика фонариком. – Малахтарей накноцали?!

Тимофей покрутил перед приплюснутым носом налётчика его ножом и выдавил:
– А твой финарь на крупняк потянет – десятка тебе светит, хмырь! Закладывай подельников, ханыга!
– Та мы шо, – заныл налетчик, – тильки пугнуть...
– Кто навёл? – ударил лучом в глаза парня Василий. – Вов- чик?
– Ни, – задёргался парень, – то сявка.
– Кто хозяин? – приставил финку к кадыку налетчика Тимофей. – Закопаем тебя в шлак, дешёвка, дружки не вспомнят!
– Воронок заглавный, – всхлипнул парень, – проводник Аверьянович... Деньгу чует, где захована... Засаду не зачуял Воронок!.. Отпустите, мужики!.. Хиба я вам не заложил старшого?..
Василий чуть не выронил фонарик, услышав кличку их проводника. Мгновенно заныла рука, скрутила желудок изжога и захотелось разбить фонарик о лоб налётчика с налипшей чёлкой.
И тут за спиной раздался голос Федоры:
– Простите его, ребяты! Ради Бога простите! Пусть идёт своей дорогой да помнит наше добро. Можа, опомнится в своей крутомели...
– Не буду больше карабчить, – подвыл парень, – век свободы не видать!
Василий переглянулся с Тимофеем, сплюнул и процедил:
– Оно бы Воронку обрезать крылышки не помешало, да времени не остаётся на разбор с милицией. Отпустим сявку с условием, что держим про запас налёт... Будет Воронку разор, если цапки свои ещё распустит... А как укоротить их у него, способ найдём – теперь мы здесь, недалеко будем... Ишь, страху нагонял всю дорогу на нас россказнями, чтоб мы молчали в тряпочку. Не на тех напал, тихушник! Мы тихоокаянцы!.. Выкидывай эту лушпайку, Тимоша! Хиба ему место среди нас?!
Мичман с готовностью ухватил парня за воротник, проволок его по коридору и пинком выбросил из вагона.
Вопль налётчика забился гудками двух сцепленных паровозов.
А в разбитые окна и щели списанного вагона сочился серый рассвет, напоминая взбудораженным транзитникам о скорой посадке на новый поезд недальнего следования.

14

В поезд «Москва – Курск» Гнездовы переместились спокойно, благо перенести вещи помог Тимофей, который тут же, на перроне, должен был встретиться с Ариной.
И Василий до самого отхода поезда не спускал глаз с мичмана, переживая за встречу молодых. И только когда поезд тронулся, из двери вокзала к Тимофею выбежала Арина с растрёпанной светлой копёшкой волос на голове. Молодые бросились друг другу в объятия, успев помахать поезду, который увозил Гнездовых по новой ветке.
– Слава Богу, – не переставала молиться тёща, – что отвёл от нас разбойную напасть. И наших мужиков уберёг от греха смертоубийства...
«Не приведи я мичмана в вагон, все могло бы застопориться на пересадке, – устало возражал Федоре про себя Василий. – Могли бы распрощаться и с деньгами... А без средств мы кто?.. Кому нужны нищие бродяги в обнищалом городишке?»
Под привычный постук колёс накатывали запоздалые мысли о собственном ротозействе, когда не сумел за две недели пути раскусить хищника-наводчика в обличье проводника. Сжимая в руке портсигар, который чуть было не подарил Денису-Воронку, он всё же находил себе отмазки: «Помощь Тимофея не с неба свалилась – участие такого парня надо было заслужить». И на перекурах в тамбуре Василий пришёл к выводу, что в долгом пути не могло обойтись без потерь, а он на острове подзабыл уроки материковой ушлости, да теперь жизнь востребовала многие уловки из прошлой жизни, вербовочных мытарств и

фронтового опыта. И на остаток пути сахалинец настраивался, как на последний бросок в глубоком рейде по тылам противника.
«Почему противника? – вдруг озадачился он с тревожной ломотой в руке. – Какой бы не был, а отец, мачеха тоже не карга, сводный брат Гаврилка должен в рот смотреть старшему брательнику, соседи, поди, не совсем забыли кучерявого Васятку... Подъехать только к ним ко всем следует чин-чинарём, с гостинцами, угощением, размахом...»
Скоро и дорога сама по равнинным полям, лесам, селеньям ублажила Василия, заставила вспоминать события беспокойного детства и приглядываться к новому переменчивому вагонному окружению во главе с хлопотливыми девчонками проводницами. В разговорах пассажиров теперь знакомо звучало подзабытое на Дальнем Востоке глухое «г», и Василий решил, что на востоке в русском человеке усиливался какой-то внутренний калибр, обострялась сноровка и даже звончело произношение. По Герке было видно, как он почувствовал переход, достал чистый альбом и до темна рисовал соседей по общему вагону: натруженных мужиков, говорливых баб с кошёлками, невесёлых парней-призывников, старушек при узелках и батюшку с крестом на бронзовой цепочке.
И чуткий Юрик быстро ощутил разницу в своём произношении по сравнению с местным, заскакал по вагону от их срединного отсека и затараторил, как бы утверждая звонкое «г»: «Под горой гогочут гуси, на горе гудит гудок!» Местные усмехались, охотно подыгрывали мальчишке «из сибирских краёв» и одаривали пахучими антоновскими яблоками с коричневыми пятнами мятости.
От запаха этих яблок у самого Василия кружилась голова, как от встречи с детством, когда набеги в чужие сады были не только доблестью и геройством, но и возможностью набить живот фруктами в долгие голодные дни. И чем ближе подъезжал поезд к узнаваемой холмистой равнине, изрезанной оврагами, тем больше приходило Василию на память несуразиц в родном краю, которые оставили в душе след на всю жизнь.
И сны приносили какие-то сумбурные видения. Василий будто бы каждый раз вёл свою семью к речке Гусинке, в которую притыкались огороды нижней его улицы Подгорной. За утлой речкой зеленели луга, где белыми хлопьями рябили гуси, а на Рождество и Масленицу сходились в кулачных боях городские с объединённой стенкой из заречных деревень. Василий приводил семью показать любимых с детства гусей, неторопких, статных и басовитых. Хотелось, чтобы жена и тёща вспомнили, а дети увидели, как серые величественно вышагивают по лугам, спускаются к воде и плавают плотными косяками.
В этих снах вся семья выстраивалась на берегу, любуясь на стаи в речке. На лице Антонины, наконец, появлялась благостная улыбка, руки её оглаживали живот, а взгляд перемещался на ближние дома, словно выбирая будущее жильё.
Тёща в это время нашёптывала заговор на благополучное обустройство на новом месте.
Герка рисовал гусей в своём альбоме, интересуясь, когда начнётся стычка самых воинственных гусаков.
Юрик бросал гусям семечки, размахивал пёрышком и звал:
– Тега, тега! К нам на развод!
Василий останавливал сына, вспомнив, что у них ещё нет своего дома и купить его здесь не так просто, и сон на том как-то печально обрывался.
А на последнем перегоне перед Дмитриевой, прикорнув, Василий в знакомом вроде сне привёл семью к речке, уже покрытой тонким льдом. Гусей не было на берегах, а с той стороны вдруг повалил к речке улюлюкающий народ в лаптях. Размахивая кулаками, деревенские двинулись по льду на приезжих.
Краем глаза Василий увидел, как сжалась Антонина, прикрывая живот. Герка выронил альбом и подобрал какую-то палку для обороны. Юрик стал в боксёрскую стойку. А Федора взмахнула руками, наговаривая боевое заклинание.
Василий понял, что ему придётся вступить в кулачный бой против деревенской стенки, и стал оттеснять семью в тыл. И тут с речки донёсся треск, крики и всплески – лёд проломился под парнями, и они стали барахтаться в мелкой Гусинке, вопя о помощи.

От такого сновидения сахалинец проснулся и услышал гомон в вагоне – поезд останавливался у неказистого зданьица вокзала с вывеской «Дмитриев-Льговский».
– С вещами на выход! – приказал семье Василий, ухватил сразу два баула и понёс их на перрон.
Гнездовых никто не встречал, хоть Василий давал в пути телеграмму дмитриевской родне.
Машин вблизи вокзала тоже не было видно: какой навар шофёрам с редких приезжих.
Главе транзитной семьи пришлось останавливать проезжавшую недалеко телегу с замшелым дедом-возницей, грузиться в неё и ехать по колдобистой дороге по окраине города до Подгорной улицы.
Дед с утлой бородёнкой, из которой торчала самокрутка с кукурузный початок, назвался Михеем из Мокрожа, родоначальной деревеньки Гнездовых. Михей привозил в город торф на колхозной лошадёнке неопределённой масти. Шинель деда и пилотка были явно трофейного происхождения – следы войны на курской земле сразу отметил глаз фронтовика.
А возница, понукая лошадь, чтобы не отставала от пеших нанимателей, рассказывал о колхозных делах в своём Мокроже:
– Работаем, как скажённые, а получаем на трудодень шиш без масла. Меня и отрядили заробить хучь какой рупь. Налоги-то даже на садок. Вишенки пришлось посрубать... Опять же внучат послали за колосками – бригадир догнал на коне, плеткой исхлестал мальцов... Старые торфразработки подмогают. Подрежем кой-где с ребятнёй торфок, высушим кирпичи да продадим в городе. А прибыток какой, если за лошадь бригадиру заплати, за то, за другое отдай копейку, деревня. Внукам на гостинцы не сумел сбиться в ентот раз...
– Мой зять не обидит, деда, – обнадёжила Михея Федора.
– Только бы твоя телега не развалилась под нашими шмотками, дедуль, – грустно пошутил Василий.
– Покуль еще тилипаемся, – выдохнул с едким дымком Михей, – не токмо телега, Расея жива будя.
Федора истово перекрестилась на церковь, мимо которой со скрипом проезжала телега, и отметила:
– Слава те, Господи, с самого краю земли добрались до родных мест!
– Хоть избавиться от проклятой душегрейки! – вырвалось у Антонины. – Перетряслась я вся за нашу мошну...
– Не зевай, Фомка, на то ярмарка! – напомнил Василий, показывая вознице сворот на Подгорную.
– Можно в музей потом сдать телогрейчонку, – хмыкнул Герка. – Такой путь проделала, с такими приключениями...
– Я буду ходить в ней в школу, – возразил Юрик. – Она заговорённая – пятёрки получать буду.
– Большой Злыдень над ней кружит, – решила Федора. – А тут ему, гляжу, привольно...
– Не распатронило бы государство под конец нашу телогреечку, – буркнул Василий и взмахами руки стал приветствовать жителей родной улицы, кого в окнах, кого у ворот на лавочках.
Подгорная с деревянными домами, сараями, лоскутами огородов вилась вдоль подножия городского холма, на котором располагался старый город. По мере приближения к родному дому в конце колдобистой улицы Василий узнавал соседей, хоть время отметилось на лицах земляков траншейками морщин. Лузгая семечки, сначала дальние, потом ближние соседи озирали прибывших с таким видом, будто ждали их давно, и начинали обсуждать событие, на которые улица была небогата.
А местная ребятня стайкой увязывалась за телегой, запросто знакомясь с мальчишками, прибывшими из фантастического далека.
Когда телега остановилась перед косоватыми воротами гнездовского старого дома, на гомон ребятни на крыльцо вышел небритый хозяин в полушубке с прорехами.

– Встречай, батя, бродяг с Сахалина! – объявил Василий и заключил отца в объятия так, что затрещал старый кожушок и побагровела лысина.
– Ай-я-яй, мои дорогие-золотые! – заголосил Сергей Кириллович. – Не смог вас встретить по здоровью! Сердце прохудилось, Васек!.. Сын сорвался с края света! А встретить некому!..
– Вот дед Михей из твоего Мокрожа нас повстречал и привёз. – Василий вытащил пачку денег, отделил несколько бумажек и отдал тёще. – Добрая примета, что из нашей деревни человек! Скажи, Федора Матвеевна!
Федора с улыбкой кивнула, передала деньги вознице и напомнила:
– Не забудь внучатам гостинцев приобресть, диду.
– Приветы передам в деревне, – пообещал повеселевший Михей, оглядел разгруженную ребятнёй телегу и тронул с места.
Проследив за телегой белёсыми глазами, Сергей Кириллович нахмурился и по-хозяйски заметил:
– За колхозную клячу такие деньги, Васек! Какому-то ивану с трудоднями...
– А мы и ребятишкам выделим на прянчишки! – подмигнул Василий и под стенанья отца начал наделять детвору трёшками.
Тихая Подгорная огласилась ликующими возгласами, которые переполошили гусей во дворе гнездовского дома и соседних дворов.

15

Родной дом оставался без особых перемен, точно такой как помнился Василию в его странствиях, на фронте, в сахалинских снах. Коридорчик-веранда с многорамным окном и выходом во двор уже по-осеннему пустовал, хотя стол с посудой на нем свидетельствовал о недавних застольях. Внутренняя дверь вела в тёмную прихожку, из которой жильцы перемещались в зал, куда примыкала спаленка, или на кухню с русской печью и соседней комнатой-подсобкой. В зале на подоконниках цвели цветы в глиняных горшках, рябили кружевные салфетки на комоде и шкафах и желтели фотографии в рамках под стеклом на выбеленных стенах. Всё было до слёз по-старому, и Василий мысленно преодолел расстояние от этого дома до сахалинского, сравнивая жилища между собой. Ему представилось громадное коромысло, на концах которого вырисовывались отчий дом и островной, японской постройки. Здесь от дома к Гусинке сбегали унылые предзимние огороды с будыльями подсолнухов, штырьками конопли и голыми деревьями, на которые уже слетались красногрудые снегири. А на высоком сахалинском склоне в его двухэтажном особняке сейчас обосновывался новый хозяин... И чувство ревности накатилось изжогой на комок радости в груди: другому человеку тот дом предоставит возможность любоваться по утрам на восход солнца над сопками и закат в морской пучине.
«Да сколько можно кручиниться по оставленному? – встряхнулся Василий. – Возвратился-то не без прибытка! Как положено, по заведённому обычаю».
Бросив взгляд на фотографии под стеклом, где чинно стояли и сидели деды и бабки со стороны отца и матери, сахалинец вспомнил про обычай отделения сына при женитьбе, что в деревенской семье, что в городской. Справные семьи отделяли молодых с приданым, домом, хозяйством – по зажиточности. Родители благословляли сыновей на праведные труды, приумножение семей и состояния. «Не грехи отца, а общий строй жизни не позволил ему в молодости пойти по стародавнему пути, – рассуждал сейчас Василий. – И то ведь нашёл свою тропку в этот дом, примаком, а вселился по любви к молодой хозяйке... И она не могла, как видно, не полюбить этого молодца с подкрученными усиками, как у приказчиков на старых открытках. Да норов бати, по всей видимости, протестовал против постыдного поименования «примак».

По молодости Василий про себя обвинял отца в смерти матери, но время застило ту кончину, а жизненные встряски заставили сына понять и тогдашнее состояние отца, который прибился из деревни в город.
Родова наделила Серёгу Гнездова статью, здоровьем и к «мужеским годам» лошадью с возком. Сызмальства помогая отцу добывать торф на старых разработках, парень научился возить топливо в город и продавать его. Здесь он и стал задерживаться в доме на Подгорной у молодой хозяйки Анны, которая недавно схоронила своих зажиточных родителей. Приписанный не то к деревне, не то к городу, Серёга ухитрился отлынить от армии в Первую мировую войну, революционные беспорядки тоже всерьёз не коснулись поставщика топлива, и даже бои гражданской заварухи прокатились мимо торфовоза.
А когда к его лошади потянулись руки деревенских активистов- коллективизаторов, Анна помогла мужу устроиться на почтамт развозить почту, где Серёга оказался под государственной опекой.
Анна не могла нарадоваться на своего разбитного мужа, родив Васятку, несмотря на хлипкое здоровье. Васятка рос под бдительным присмотром матери, но тянулся к отцовскому возку и не понимал, почему он всё чаще стал заворачивать во двор к Жуковой в самом начале их улицы. Соседи говорили, что муж красивой Жуковой пропал без вести в Гражданскую войну на стороне белых. Галина Жукова не верила в смерть своего поручика, ждала весточку от него и каждый вечер перехватывала Гнездова, который возвращался после работы домой. Почтарь охотно сворачивал во двор Жуковой, рассказывал ей почтовые новости и угощался самогоном, что гнала хозяйка на продажу «ради прожитья».
И всё дольше становились посиделки у безутешной поручицы, пока соседи не доложили Анне, где задерживается её мужик.
Бросилась раз Анна к самогонщице с пестом в руке, высмотрела мужа через окно в постели с Жуковой и хватила по стеклу чугунным пестиком. И сама рухнула под звон разбитого стекла на землю с разбитым сердцем.
Василий помнил бледное лицо матери в гробу, как плакал отец на могиле жены, прося прощения у покойницы. Тогда мальчишкой он не понимал, почему сердце матери не выдержало какой-то задержки отца в другом доме – ему ведь приходилось раньше где только не ночевать. Лишь пожив и повоевав, Гнездов- младший ощутил, как кровоточит старая зарубка на его сердце от любого предательства. Но жизнь на стороне вовсе не ожесточила его против отца, даже подсказала истоки отцовской ветрености: Гнездов-старший оторвался от деревенских устоев и как следует не прижился в городе, чувствуя себя перекати-полем и в семейной обстановке.
И сын во многих своих переездах глубоко в душе таил то открытие, стремясь к возвращению в отчий дом. Другое дело, что нынешний подъем больше на совести Антонины, да если разобраться, жена упредила и его глубинные чаяния. И теперь можно было честно отчитаться перед самим собой: «Свершилось! Прибился к родному берегу, как потрёпанная шхуна! Пусть я вертопрах, испорченный шебутным временем, да не с пустыми трюмами. Семья, наконец, обретёт настоящий причал. Дети станут на крепкие родовые ноги, а не на жидкие ходули».
И глядя на болезненное лицо матери на фотографии с виньетками по обрамляющей картонке, Василий дал зарок, что по своему капиталу справит дом получше отцовского, и это будет достойной отдачей памяти матушки.
А отец ощутил и по поступи сына, что сахалинец прибыл не с пустыми руками, и пристроился за Василием, стараясь угадать его мысль, вспоминая лучшее из его детства. Согбенная фигура отца в старом кожушке, его заострённый багровый нос и лысина с седым обрамлением вызвали у гостя прилив жалости. Стеклянная четверть на столе в коридоре, стаканы и надкушенный солёный огурец свидетельствовали о главной болезни старика.
– Как получил телеграмму, так под неё зарядился у Жучихи, – доложила хозяйка, перехватив испытующий взгляд пасынка. – А мне отойти от него не моги – вдруг кондрашка хватит.

Гаврила на работе почтарит – вот и встретить как следует не сподобились. Да вы будьте, как дома, после такущей дороги на сон, поди, тянет...
Мачеха Фаина с нестареющим кукольным лицом тут же стала помогать срочно прибывшему сыну Гавриле размещать гостей и вещи их в комнате за кухней, укатывая в угол кровать, задвигая сундук за шкаф и застилая нишу на печи дерюжкой.
Сергей Кириллович по-хозяйски объяснял, что Василий с Антониной расположатся на кровати, Федора уместится на сундуке, а мальчишки залезут на тёплую печь.
– Оно тесновато в одном доме двум семьям, – не преминула добавить хозяйка, – да к тому ж Гаврилка наш вот-вот приведёт в дом молодушку...
– Она мне и на дух не нужна, – буркнул Гаврила, невзрачный парень с маленькой головой и большим слюнявым ртом. – Да и без того здесь не продохнуть двум семьям-то.
– Не вечно же гости тут будут обитаться, – со значением глядя на хозяина, проговорила Фаина.
– На свой домишко, поди, заработал, сынок? – умильным голосом поинтересовался Сергей Кириллович.
– И на крепкое хозяйство, – подтвердил Василий, доставая из походной сумы бутылку коньяку, купленную в Москве. – Не какие-нибудь иваны с трудоднями!
При виде красивой бутылки хозяин угодливо закивал, расставил на кухонном столе вокруг самовара глиняные кружки и велел Фаине принести мочёных яблок. Хозяйка заворчала, что выпивка погубит старика в одночасье, но принесла солёных огурцов и достала из печи чугунок варёной картошки.
А Василий, открывая бутылку, мигнул тёще, и Федора понятливо извлекла из чемодана копчёную кету, аромат которой перебил кухонные запахи и привёл в восторг домочадцев. А вслед за рыбиной на столе появилась банка красной икры, и Сергей Кириллович воскликнул:
– Прямо генеральское угощение, сынок!
– Армянский коньяк, он лекарственный, батя, – заметил Василий, разливая пахучий напиток по кружкам. – А вы тут самогон понужаете?
– От Жучихи! – встряла Фаина, нарезая круглый хлеб домашней выпечки. – Та, стерва, всех мужиков споила своею бурячной жуковкой, и милиция ей не указ!
– Хватя тебе, клуша, перед гостями изгоняться! – прикрикнул хозяин. – Вместо заздравия одно вытьё слышится!
– А мы сейчас задобрим хозяйку... – раздался голос Антонины, и она вынесла из боковушки ворох подарков.
Василий подхватил гостинцы и начал наделять домочадцев вещами: отцу предназначалась японская кожаная куртка, Фаине – пуховый платок, Гавриле – яловые сапоги.
Вслед за отцом Герка пристроил к стене цветную картинку, на которой был изображён их сахалинский дом в зелени кустов с проблесками моря среди сопок.
Юрик тоже не отстал от дарителей, водрузив под общий восторженный возглас на самовар три кедровых шишки.
– За такие гостинцы не грех и принять дорогого вина! – провозгласил хозяин, чокнулся со всеми кружками и выпил первым, причмокнув. – Вот угодил, сынок, всем нам на загляденье, соседям на зависть!
– Жучихе на пригляд, – подначила Фаина. – Та все принимает за самогонку, что ни приносят мужики. Случись пожар у ней, много добра сгорит и деньжищ уйма.
– Да кто считал её деньги? – возмутился Сергей Кириллович, у которого выступила на лысине испарина. – Снабжает бабонька народ первачком дешевле монополки, радоваться надо! А недовольному холопу, хоть толкач в то самое место! Ждут пожара!..
Василий, оценив защитную завесу отца над старой привязанностью, подлил ему из бутылки, чокнулся и сказал:
– Скоро может такой пожар полыхнуть, что сгорят все накопления – ив кубышках и на сберкнижках!

Сергей Кириллович застыл над своей кружкой, словно вспомнил про привычную жуковку, которой изменил, и поинтересовался:
– Это что же, опять война?
– Денежная реформа, батя! – с превосходством бывалого человека объяснил Василий. – В дороге мы наслушались, как могут денежки усохнуть – у кого они есть, конечно.
Отец в волнении даже отставил кружку, встал и закружился по кухне, доказывая с пьяным напором:
– Деньги делают монахи, без штанов, в одной рубахе! Это сколь же надо наделать новых дензнаков, чтоб заменить старые по всей стране? При нашем-то военном истощении! Не меньше десяти лет потребуется!
– И на почте у нас про такой обмен ничего не знают, – добавил Гаврила и зажмурился от ложки икры. – Как и такой закуски не ведают.
– Как были вы лопухами, так и остались, – усмехнулся Василий, поднимая свою кружку. – Давайте выпьем за то, чтобы побыстрее сторговать нам дом, обзавестись хозяйством и прикупить гусей.
– Хорошо в краю родном – пахнет сеном и гумном! – пропел хозяин и старательно чокнулся со всеми подряд, хотя Антонина и мальчишки подставили кружки с чаем.
А Василий незаметно погладил живот Антонины, подвинул ребятам чугунок с долгожданной картошкой и величественно выпил коньяк. Всем своим видом сахалинец показывал, что странствие семьи под его началом завершилось благополучно, а с малостью по обустройству в родном краю справиться ему ничего не стоит.

16

– Хорош напиток, ох, силён, – хвалил Сергей Кириллович наутро сыновнее угощение, красуясь перед зеркалом в подарочной куртке. – По рюмочке бы каждое утро, сердце не замечал бы...
– Можно было бы поправиться и коньячком, батёк, – посочувствовал Василий, вставший по восточному часовому поясу чуть свет, – да у вас его днём с огнём не сыщешь.
– Да и деньгами сорить не резон, – мученически вздохнул хозяин, взял со стола коньячную бутылку и полюбовался ею. – А если налить в такую красавицу нашей жуковки, заиграет не хуже армянского...
Василий усмехнулся над отцовским изворотом, вынул деньги и под громкие вздохи Фаины отсчитал несколько бумажек страдальцу.
Сергей Кириллович окрылённо отступил в коридор, прихватил со стола четверть и понёсся на улицу, забыв про больное сердце.
Василию оставалось лишь сесть за стол, налить в кружку чаю и расслабиться, как после долгого и опасного рейда с ответственным боевым заданием. И следовало подготовиться к новому броску, взвесить боезапас, а главное, оценить напарника-проводника, своего родного папашу.
С первого же взгляда было видно, как сильно сдал отец, жизнь не оправдала его хорохорных надежд, как был иваном с трудоднями, так и остался, даже Галина Жукова не позарилась на его персону после кончины жены, веря в возвращение своего мужа поручика. «Хочется перед соседями козырнуть сынком, батя, – мысленно усмехнулся Василий, – да грехи в рай не пускают... Приходится юлить перед сыном, клянчить на выпивку... А сын помнит твои похождения, батек, как ты лелеял своё благополучие и плевал на родное дитя. Знал бы ты, старый упырь, какой путь прошёл твой когда-то отрезанный ломоть! Разве в редких письмах можно было рассказать, какие уличные университеты пришлось заканчивать Ваське? Да и понял бы ты, чучело самогонное, мытарства близкого человека? Какое надо иметь сердце, чтобы впитывать тяготы даже близкого человека! Слава Богу, сама судьба свела меня с Антониной и её матерью. Теперь ты отчитывайся и перед ними. А передо мной прояви

рвение в поиске подходящей усадьбы! Иначе мой денежный боезапас для тебя будет закрыт, батёк!»
– Что-то долгонько ходит за жуковкой наш батяня, – заметил Василий, стараясь разговорить мачеху, которая разжигала печь.
– Как поддаст стакан, так гусей у соседей смотреть, – объяснила Фаина, подбрасывая в печь бурые куски торфа. – Совсем спятил отец на гусях. Захотел скрестить нашу породу с холмогорской, чтоб непобедимого гусака вывести. Да капитал пока не позволяет.
– Ну, теперь можно будет и помочь, – рассудил Василий. – Только сами обустроимся.
– У них это, видать, по наследству, – подала голос из боковушки Антонина. – Василий Сергеевич на Сахалине бредил гусями. Представляешь, Фая, мечтал на море стадо выпустить.
– И пристрастили бы птицу к морю, – вступилась за зятя Федора. – Сколь там всякого корма!
– Перелётных птиц какие стаи кучкуются там весной и осенью, – добавил Герка с мечтательным вызовом.
– А уплыло бы наше стадо в Японию? – звонко обозначился Юрик. – Гусям граница не преграда!
– Отсюда далеко им плыть, – напомнил Василий. – Да от таких пастухов, как вы, сынки...
– Это Чилим пусть готовится пасти, – буркнул Герка, – у меня своих дел хватает.
– Он будет художничать, а я пастушить, – захныкал Юрик. – Ишь, какой умный!
– Уже начали делиться, – оборвала перепалку сыновей Антонина. – Сидим на чемоданах, а они о пустом горшке!
Но как бы в напоминание о себе во дворе вдруг взгоготнули гуси. Потом уж с улицы донеслись голоса Сергея Кирилловича и сопровождающих его дружков-соседей.
– Тега-тега, доживём до снега!
– Эх, чистопёрые! Божеские птицы!
– Вот вам хлебушка от соседушки!
– Пора стравить моего Лутоню с твоим ублюдком, Хорюшка!
– Хоть счас, Кириллыч, не слабо!
– Пока другой интерес у нас, любезные! Сынок с самого Сахалина! Прошу на смотрины! Не какой-нибудь иван с трудоднями! Угощаем по полной! Как друзей-соседей!..
Хозяин щедро распахнул дверь перед дружками, выставил на стол в коридоре четверть с белёсым самогоном и усадил провожатых на колченогие табуретки, разумно не предлагая мужикам сбросить заплатанные полушубки. Увидев Василия, гости с поклоном сняли шапки, разулыбались беззубыми ртами и стали наперебой расхваливать удалого путешественника, который осилил с семьёй «огромадный путь».
Василий не без труда узнал в тощем мужичке ближнего соседа Клима Хоря, а в тучном мужчине кузнеца Андрея Сероштана с выселок. Обняв отцовых дружков, сахалинец уловил запах подвала с овощами от Хоря – старик был приёмщиком сельхозпродукции в райпо, от Сероштана несло дымком кузницы.
– Ребятня таскает яблочки через отдушины, Клим Титыч? – спросил Василий с давним знанием дела.
– А куды они денутся, шпанцы? – затрясся в мелком хохотке Хорь. – И твои пострелята, мобуть, вскорости зачнут накалывать фрукту в наших закромах.
– Мои гаврики всерьёз готовились сюда, – громко объявил Василий. – Даже сетчонку привезли с собой рыбачить, гусей разводить будем, на кулачках побьёмся...
– Поутихли кулачки, – прогудел Сероштан. – Сыны мои ещё собирают стенку, да милиция разгоняет.
– Ну, гусей-то стравливать не запрещается? – спросил Василий, изображая руками поединок гусаков.
– Этого у нас, у курян, не отнять, – авторитетно заявил хозяин, налил в кружки самогону и повысил голос: – А ну, Гнездовы, выходите, на соседей поглядите! Да закуски поднесите!

Фаина, ворча, принесла из кухни хлеба с огурцами, Федора добавила ломтики аппетитной рыбы, Антонина выставила остатки красной икры, Юрик добавил кедровую шишку, а Герка произнёс:
– Ещё в «Слове о полку Игореве» сказано, что куряне вскормлены с концов копий и вспоены из шеломов.
Застолье ответило одобрительным гулом, а Сергей Кириллович поднял кружку и куражисто объявил:
– Во какое подспорье ко мне прибыло! За таких молодцов выпить не грех! С сыном и внуками мы развернёмся и никакое ракло нам не указ!..
– Мели, Емеля... – отмахнулась Фаина и увела женщин с мальчишками на кухню, к самовару.
А старики, разогревшись «жуковкой» с запахом палёного навоза, наперебой стали расхваливать Василия, который не потерялся на просторах России-матушки в суровые времена, избежал тюрьмы, провоевал как настоящий курянин и возвратился в отчий дом с бравой семьёй и непустыми руками. И тут Гнездов-старший начал задавать тон, распространяясь о своём удачном предвидении в жизненных делах. Хозяин вытягивал морщинистую шею, будто гусак, выпячивал грудь, обтянутую новой курткой с металлическими пуговицами, и перебивал дружков своим нахрапистым голосом. Что бы ни начинали рассказывать соседи, Сергей Кириллович перехватывал разговор и оказывался на словах куда важнее, удачливей и значительнее собутыльника. Чем больше прикладывался к кружке хозяин, тем сильнее он надрывал горло, брызгая слюной, и неудержимей становилась его похвальба. Дружки, как видно, уже не удивлялись куражу соседа, добродушно поддакивали да посмеивались: угощение следовало отрабатывать. Когда же старики принялись расспрашивать самого Василия про жизнь на Сахалине, отец и здесь перехватил инициативу и понёс такую чепуху, что сахалинцу оставалось лишь морщиться, а то криво усмехаться, иной раз и тихо матюкнуться.
Отец, однако, с каждым глотком всё больше входил в раж, рисовался, как большой начальник и путеводитель по жизни. По его речам получалось, что это он подготовил сына к освоению Дальнего Востока, благодаря отцовским научениям Гнездов-младший стал на фронте удачливым разведчиком, а после войны был назначен комендантом крупного сахалинского порта.
– Теперь пора и на заслуженный отдых, – зашёлся в словесном запале хозяин. – Орденоносцу с семьёй следует переехать в центр, в родовое гнездо, на приличный оклад. Чтоб душа пела: эх, хорошо в краю родном – пахнет сеном и гумном!
– Могу помочь устроиться к нам в райпо, – предложил Хорь.
Хозяин поперхнулся самогоном, выпучил глаза под цвет «жуковки» и обрушился на соседа:
– Ты не перепил, Климка?.. Райпо с твоими вонючими складами!
– Когда яблоки таскал оттуда, гарбузы, дыни, были не вонючие? – нахохлился Хорь. – По тем голодным временам?!
– Можно ко мне в кузню, – будто кузнечным мехом, прошумел Сероштан. – Помогал, Вася, помнишь молотком? Теперь с моими парнями поробишь.
Сергей Кириллович ужалено вскочил с места, отставил четверть и взъярился так, что переполошились гуси во дворе.
– Такого человека в малахтари определяете! – рычал хозяин. – Сына моего?.. Орденоносного!.. Черпалой ещё устройте, иваны с трудоднями!
Василию пришлось взять бутыль в свои руки, налить ошарашенным мужикам пощедрее и в смешливом тосте поблагодарить их за участие в его переселенческой судьбе. И переводя разговор на близкий круг, сахалинец поделился своими планами:
– А хочу я, мужики, в самом деле обзавестись усадьбой, хозяйством, потом уж соображать, куда приткнуться на службу. Да ещё давняя мечта у меня – развести таких гусей, чтобы славились на всю округу. Даже на фронте прикидывал вывести особых гусаков, бойцовского закала. Чтоб валили всех претендентов на высшее звание. Чтоб поддержали славу курян, род наш отметили, всех нас вписали в историю!..

– Во сынок, башка! – встрепенулся хозяин. – А вы – в подвал с гнильём такого соображенца! Да пока живой отец у него, все планы наши должны удаваться! Стадо есть для развода. Гусак Лутоня, каких поискать! Клюв у него бронебойный! А ну, Гавря, неси сюда Лутоню на погляд!..
Василий подтолкнул сводного брата, который намазывал хлеб икрой, и Гаврила поплёлся во двор за гусаком. Герка с Юриком тут же присоединились к дяде. Переполошив стадо, они отловили гусака, принесли его к столу и вручили хозяину.
Вожак шипел, размахивал тяжёлыми крыльями и норовил долбануть кого-нибудь крепким оранжевым клювом.
– Смирно, Лутоша! – засмеялся Сергей Кириллович, оглаживая любимца. – Ты у нас геройский гусь, хоть и молодой! Летом гонял остроумовского Хырю! Отдолбал Танка из Крупца! Повалял ещё кой-кого...
– А моего Шипа ему взять слабо! – завёлся Хорь.
– Тот молотобоец, – гуднул Сероштан. – Шипка у Клима боец-молодец!
Хозяин окинул дружков горделивым взглядом, передал гусака Василию и пообещал:
– Сынок подрессирует нашего ублюдка, и вашему Шипухе несдобровать!
– Сначала с домом помогите разобраться, мужики, – попросил Василий, принимая птицу на колени, – потом уж возьмёмся за бои...
Все загомонили так, что Лутоня соскочил на пол и бросился во двор к своему стаду.
– Найдём тебе самый видный домино, Васёк!
– Откуём железные ворота!
– Не слабо откупить моему сынку каменную хоромину!
– За магарычом дело не станет, старики!
– Ваське моему не слабо и ресторан откупить на вечерок!
– А кулачки заказать?
– Как ранешные купцы гулевали!
– Теперешние ухари тож умеют покичиться!
– Эх, хорошо в краю родном...
От застольного гвалта Василий отделывался «жуковкой», не успевая подливать в кружки самогон с домашним вкусом бураков.

17

И пошло и поехало застольное общение под все нарастающее недовольство женской половины дома Гнездовых.
С самого раннего утра хозяин усаживался за холодный стол, посреди которого возвышалась пустая четверть, требовал от Фаины закуски и тихо стонал, взывая к сыну.
Василию после предыдущего застолья и самому требовался опохмел. Он вставал, стараясь не разбудить жену рядом, тёщу за шкафом на сундуке и сыновей на печи. Отсчитав на ощупь деньги, сын крался в коридор и отдавал отцу очередной взнос.
У Гнездова-старшего сразу появлялась живость в лице, он удалялся с деньгами, а возвращался с бутылью самогона и дружками-соседями.
И загул продолжался под оживлённые разговоры о достоинствах и недостатках продаваемых домов, лучший из которых предполагалось выторговать как можно выгоднее. Порой к застолью присоединялись домовладельцы, которые не отказывались от выпивки, но были начеку и заламывали за свои усадьбы такие цены, что Сергей Кириллович хватался за сердце.
Василий понимал, кому обязан славе денежного мешка, из которого все хотят вытрясти как можно больше, но остановить молву было не в его силах, как и отцовский загул.
И с самого раннего утра на обкуренную веранду снова приходили Хорь с Сероштаном, начинались оценочные разговоры с выпивкой, дотошные обсуждения и торги. Сергей Кириллович, забыв про сердце, брал на себя верховодство, шумел и рядился так, что пугал

гусей во дворе. А войдя в раж, хозяин терял нить сделки, перебивал Василия и дружков и отпугивал продавца придирками к мелочам. После трёх-четырёх неудавшихся торгов сахалинец начал понимать, что превращается в застольную привадку отцу. И Антонина уже нашёптывала ему по ночам, что они попались на крючок папаши, который под благовидной затеей устройства сына с семьёй растранжирит их деньги и пустит по миру.
Тёща поддерживала дочь молчаливыми укорами, долгими молитвами перед иконами в углу и заговорами против пьянства.
Даже Герка с Юриком возвращались из школы с вопросом о своём доме.
Но все дождались только снега, который робко прикрыл улицы, огороды, луга за синюшной речкой с ледяными заберегами. Первый снег напомнил сахалинцам островные снегопады, метели, заносы и заставил Антонину опередить ранний подъем мужа шипучим вопросом:
– Мы что, гулеванить сюда ехали, Вася?
– Не с бухты же барахты обзаводиться своим хозяйством, Тоня!
– Ваша бухта-барахта тянется уже какую неделю?
– Семь раз отмерь – один отрежь!
– Деньги ты отмеряешь без счёта, а я отрезала рукава у телогрейки...
– На домишко хватит, реформа страшнее...
– С батиной глоткой никакой реформе не сравниться.
– Разведка нигде дешёво не обходится, Тонюшка.
– С пьяной разведки взятки гладки – сам говорил.
– А батя талдычит: «Кто пьян, да умён – два угодья в нём».
– С его умом пойдём мы по миру, чует сердце.
– Не паникуй, Тонька! Ребёнок выйдет нервный.
– Ребёнку пора свой дом приготовить.
– О чём и печёмся в четыре башки...
– Чую, допечётесь до реформы...
– Ну, волков бояться...
– Я боюсь не волков, а малохольного свёкра.
– Батя тёртый калач, дорогая, опять же Гаврила не мандражится – на почте ж должны бы знать заранее про денежную артподготовку.
Антонина взяла руку Василия в горячую ладошку, приложила к своему тугому животу и прошептала:
– Вот самая верная подготовка – тебе её держаться надо.
Василий замер в томительном ожидании толчка изнутри, но тут в коридоре раздались шаги, а хриплый голос отца прозвучал повелительно:
– Сын, вставай на совет по первому снегу! Боевой совет!
Василий виновато скользнул губами по щеке жены, быстро оделся в полоске зимнего рассвета в окне и отправился к отцу, который уже наливал в кружки «жуковку». Чокнувшись с сыном и выпив за начало зимы, Сергей Кириллович торжественно объявил, что сегодня по традиции с первым снегом назначен бой между их Лутоней и Шипом Хоря. Отставив бутыль с самогоном, хозяин объяснил, что допивать они будут уже по окончании поединка, и начал взвешивать шансы своего гусака на победу.
– Наш должен взять верх над ублюдком Хоря, – убеждал отец Василия. – И ты его подталдычивай! Чтоб тебя понимал! Мне чего жить осталось-то? Все бразды тебе перейдут! Главное достояние – теги! Твой будет Лутоня, а от него гусята пойдут ударники. Чтоб наш гнездовский род гремел по всей курской земле! И Сергея Кирилловича долго помнили! Тебе и твоим сынкам боевое наследство чтоб от меня досталось! А Файка пусть пользует дом со скарбом, и сынок её, недотёпа, хуже ивана с трудоднями...
– И я могу попасть в раклы, если будем тянуть с покупкой, – перебил отца Василий. – Сколько можно магарыч авансом распивать?
– Побьём Шипу, сразу слава пойдёт по городу, – заверил отец, вскидывая над столом руку с папиросой. – Отбою не будет от предложений – только выбирай что посолидней.

Уклоняясь от брызг изо рта отца, Василий с тоской думал, что Антонина права – он попал в долгий заклад к родному папаше. «Влип, как в окружение, – пришёл он к неутешительному выводу и хлебнул из кружки. – Не пора ли батю задвинуть на нижний шесток? Жалко отнимать у него праздник, да свою семью жальче... И все же он отец... Другого не будет, если сгинет... Выходит, надо почитать и слушаться и такого малохольного, как полагает и Федора Матвеевна».

Самогон между тем разливался теплом в груди, отвлекал от неприятных мыслей и будил интерес к предстоящему бою гусаков. И вслушиваясь в знакомый гоготок Лутони во дворе, Василий начал расспрашивать отца о повадках противника, его возрасте и любимых бойцовских приёмах, хотя уже немало знал о статях любимцев от их хозяев из застольных разговоров.

Но не успели Гнездовы оговорить разные гусиные выпады, как с улицы донёсся голос Клима Хоря:

– Выводи своих задиристых, Серега! Мой Шипка со своей Шипихой наизготове! За честь двора своего постоим! Выводи свою гвардию, Гнездовы!

Гусиный переклич подтверждал сговор хозяев на схватку вожаков. И трубный бас Сероштана разнёсся по улице:

– А ну, гусятники, на страву! Пора гусям размяться! И самим сколь можно меха зазря качать?

Сергей Кириллович расправил плечи, ухватил бутыль с кружкой и направился к двери, приказав сыну выгонять стадо на улицу.

Василий набрал в карманы кусочков хлеба, вышел во двор и подкормил гордого Лутоню. Сам ощутив себя бойцом среди гогочущих птиц, Гнездов-младший выдернул щеколду из подпора и распахнул ворота. Гусиная лавина хлынула на улицу за своим вожаком, сбивая лапами снежную плёнку.

Навстречу Лутоне из-под ног оживлённого Хоря закосолапил его гусак, расщеперивая мощные крылья. На стороне Шипа была лишь одна гусыня, но она своим криком заменяла оставленное стадо. Сам же хозяин старого гусака шапкой надгонял своего бойца на клювастого Лутоню.

А Сергей Кириллович подбадривал своего гусака с крыльца, устанавливая на боковинах-лавочках четверть с «жуковкой», кружку и огурец как красноречивую награду победной стороне. Сероштан добавил к призовой выкладке корзинку мочёных яблок и оглушил спешащих на зрелище зевак громогласным призывом:

– Давай-давай! Налетай! Наших бьют – не зевай!

Василий, как в мальчишечью пору, увлёкся общим порывом, подгонял Лутоню своей японской шапкой с козырьком и наговаривал:

– Не подведи нашу фамилию, Лутоша, врежь противнику стычка, вали его подсечкой, крыльев не жалей!

Герка и Юрик уже помогали отцу тормошить гусынь для поддержки вожака, и гомон вокруг поднялся такой, что снежок слетел с ближних деревьев. Вокруг же гусей скоро сбился круг любителей, которые подначивали хозяев, окликали бойцов и улюлюкали на всю округу.

– Начинай, раздербай!

– Лутоня, не посрами племя!

– Шипни-ка его, Шип!

– Растрясите зобы!

Гусыни подбивали своих вожаков переливчатыми голосами, и гусаки сошлись в боевом раже. Грузные птицы набежали одна на другую, отмахиваясь крыльями. Оранжевые клювы замелькали огоньками над вытоптанной площадкой, пух и перья полетели под ноги толпы, и грозный гогот смешался с людским рёвом.

Начав со степенных ударов, бойцы с каждым окриком хозяев усиливали натиск. После нескольких уклонов Лутоня навалился на Шипа округлой грудью, пытаясь свалить противника в грязь ещё и крыльями. Опытный Шип выкручивался, долбал Лутоню в шею и норовил подсечь молодого под лапы, как борец вольного стиля. Бой шёл на равных,

гусыни с обеих сторон надрывались в ободряющем гоготе, не отставали и подгуски гнездовского стада.
– Может, остановим, батя, на ничьей? – обратился Василий к отцу. – Для начала крепкий схват. А с Климом тебе раздор ни к чему.
– Мы не исусики! – рявкнул отец, отпил из кружки и бросился к гусакам. – Давай-давай, Лутошка! Бей – не жалей! Круши от души! Сбивай ему дыхало! Зоб порви!..
Подхлёстнутый хозяйским криком, Лутоня кинулся на чужака серым снарядом. Но когда размашистый клюв нападавшего, казалось, с лёту проткнёт Шипа, Хорев гусак припал к земле, молниеносно ухватил ногу противника и дёрнул её вбок. Лутоня на полном ходу перевернулся, издал жалобный вопль и задрыгал перепончатыми лапами. А старый гусак навис над поверженным бойцом, оглушая молодого клювом и крыльями.
Василию пришлось вмешаться, перевернуть своего гусака и под улюлюканье толпы отправить его в родное примолкшее стадо. Герка с Юриком помогли отцу направить гусей во двор, подкармливая птиц на ходу кукурузными зёрнами.
А поникший Сергей Кириллович, оглаживая левый бок, отступил к крыльцу и взялся за кружку. Но тут Сероштан навис над ним грозной тучей, отнял кружку и протянул её Хорю.
– Не по заслуге, Серёга! – добродушно пробасил кузнец под ухмылки соседских мальчишек, которых Василий наделял мочёными яблоками. – Первую – победителю!
– Моего Лутоню кормёжка подвела, – вздохнул хозяин. – Чем кормим – то по своей бедности? У Клима вон сколь списанного продукта по райпотребовским подвалам...
– Теперь Василий позаботится о гусях, – утешительно напомнил Хорь и опорожнил заслуженную кружку самогона. – Опять же ребятки его как уважительны к серым...
– А Серёга шутоломом срезал Лутоню, – решил Сероштанн, выпивая вторым. – Теперь, Василь, тебе авторитет отца придётся перековывать.
– Пока есть чем подправлять и авторитет, и здоровье, – заверил Василий, налил в кружку из бутыли и подал отцу. – Вот случится денежный обвал, тогда закукуем...
– Не кликушил бы ты, сынок, – взмолился Сергей Кириллович, прижимая кружку к сердцу. – Сегодня день для нас пропащий, худой день, никудышний!
– Тьфу тебя! – чертыхнулся кузнец, поднёс ёмкий перст ко лбу и замер, увидев бегущего Гаврилу на изгибе улицы.
Парень приближался, размахивая газетой и выкрикивая с торжествующим отголоском:
– Брат, постановление правительства!.. Батя, денежная замена!.. Старые на новые! Десять к одному!.. За десять рубчиков дадут один!.. Мужики, а цены-то прежние!.. Пролетел ты, брат, с домом!.. Крякнули денежки!.. Беда-а-а!..
Кружка выпала из руки Сергея Кирилловича, а Василий незряче поймал за горлышко четверть и ударил её о фундамент.
Осколки стекла и брызги самогона обдали всех, но никто из мужиков не вздрогнул.

18

Обмен старых денег пошёл споро, а Гнездовы заметались по городу в надежде перехватить домишко по ускользающей цене.
А Сергей Кириллович, как Ванька-встанька, уже оправился от гусиного поражения и пытался утвердиться в выгодной сделке с домом для Василия. Однако перехитрить ушлых хозяев не удавалось – они требовали новых денег, для видимости слегка убавляя с первоначала заломленную цену. И старик опять сникал, семенил к своей Гале Жуковой уже с бидончиком, и отец с сыном продолжали обсуждать создавшееся положение за кружками «жуковки».
А хозяева предлагаемых развалюх, от которых Василия воротило, будто сговорились, с каждым днём денежного обмена наценивая свои строения.

Сахалинец понимал, что гонористый отец с помощью дружков и обратно заинтересованного Гаврилы раздул над сыном ярмарочное кадило. И дутую славу уже трудно закидать привезёнными деньгами.
А за скороспешными хлопотами с покупкой дома Василий не заметил, как подошёл крайний срок обмена денег. К этому дню Антонина с Федорой до конца распороли телогрейку, набили чемодан старыми дензнаками и наутро крайнего дня реформы заставили главу семьи нести драгоценную ношу в сберкассу.
Под присмотром семенящей жены и вздыхающего отца Василий обречённо доставил чемодан в траурно пустующую сберегательную кассу, откуда уже схлынул народ, обменявший свои скромные сбережения в первые дни реформы. «Брось кубышку – заведи сберкнижку!» – призывал справный мужик на плакате с синей сберкнижкой в руке.
– А что было делать транзитным пассажирам? – спросил Василий у миловидной кассирши за стеклом.
Девушка развела руками и стала принимать пачки купюр, которые закручивались по их походной форме. В ответ кассир с виноватым видом выдала несколько тонких пачек новых купюр, и Василий, отдав их жене, одну припрятал в карман.
Антонина с какой-то нарочитой обречённостью захлопнула чемодан, смерила свёкра опустошённым взглядом и произнесла:
– Кончилась у Фомки ярмарка.
– Мы ещё покажем себя, Тоня, – забормотал Сергей Кириллович, брызгая слюной на свету.
– Похоже, – согласилась она и горестно скривила губы. – На известном фронте покажете? Самогон у Жучихи никакой реформе не поддаётся!
Сергей Кириллович вдруг поник, глубже натянул старую шапку на изморщенный лоб и сообщил, как о смерти близкого человека:
– Беда и здесь на нашей улице... Загребла милиция Галину Анисимовну.
– Ты же говорил, батя, она по петушкам с милицией! – опешил Василий.
– А деньги-то на виду сдавать надо, – печально объяснил старик. – Вот и заметалась Галя со своими кубышками. А соседям давно глаза намозолила, откупиться не сумела, взяли за нетрудовые доходы.
– Нет худа без добра, – жёстко выговорила Антонина, подхватила чемодан и направилась к выходу. – А вы, конечно, сиротствовать не будете?
Василий хлопнул себя по карману, подмигнул отцу и лихо предложил:
– Обмыть новые деньги сам бог велел, батёк. По-культурному отметим реформу, в ресторане! Хныкать нам не к лицу. Надо обсудить дальнейшее житье-бытье. Перефомировка для нас – дело привычное.
– Не иваны с трудоднями! – подхватил отец, расправил плечи и заспешил к двери в своих подшитых валенках.
Выйдя на улицу, Сергей Кириллович словно ощутил свою вину от потери больших сыновних денег, и заискивающе стал объяснять, как трудно зарабатывается в их маленьком городке рубль, и надежда теперь только на гусей.
– Как следует взяться за развод и на остатние деньги, – убеждал отец сына, плетясь за ним в город к ресторану-каменушке, – можно озолотиться и у нас...
– Летали бы они ещё, гуси-лебеди, батя, – мрачно проговорил Василий и удержал отца на обледенелых ступеньках ресторана с покосившейся вывеской, – да унесли бы нас назад, как в сказке.
– Тебе что, Васёк, в родном доме не живётся? – заныл отец перед обшарпанной дверью. – Не гоню же... Ребятишки приживаются... Из школы пятёрки уже несут, сетку под лёд запускают, как рыбачить приноровились, смышлёные... Федору устроим в няньки – в комнате будет просторнее... Чтоб твоё прибавленье на сундук поместить... Будет и барыш со временем... Ещё ресторан откупим – Хоря с Серопгганом напоим от пуза!

– А сейчас самим бы чуток прийти в себя, – проронил Василий, рванул дверь на себя и вдёрнул отца в дымный ресторанный полумрак. – Располагайся, батя, по-нашенски, по-фартовому, виду не подавай про обскользы! Как и положено курянину!

Василий усадил отца за свободный столик перед эстрадкой с баянистом, подозвал розовощёкую официантку с бумажной короной на голове и заказал ей водки с закуской.

В местном ресторане, который мало чем отличался от обычной столовки, кроме водки да котлет, ничего и не подавали. Сюда заглядывало местное начальство в гимнастёрках и сталинках, редкие командировочные сбрасывали остатки суточных, колхозники отмечались по-городскому после скромного оборота на городском рынке.

И сейчас та же публика наполовину заполняла столики ресторана, окуривая свои стаканы, котлеты с капустой, соседей, буфет с волоокой хозяйкой и неказистую эстраду, где тоскливо перебирал пуговицы баяна старик в косоворотке.

– Гордеич, чего тянешь кота за хвост? – обратился к баянисту взбодрившийся Сергей Кириллович. – Грянь-ка что поудалей! Чтоб двери и окна заплясали!

Ощутив себя в застольной среде, Сергей Кириллович быстро отходил от денежной потери сына, засунул шапку в карман своей шикарной куртки и важно раскланивался со знакомыми. Выпив первые сто граммов, он закурил и стал разглядывать портсигар сына, будто увидел такую редкость в первый раз. И про баяниста, который подсел к их столу, Гнездов-старший стал рассказывать громко, чтобы посетители не усомнились в его мудрой осведомлённости:

– При нэпе Гордеич как прасол гремел на всю округу. Ресторан этот откупал на сутки! Теперь же вот как на хлеб приходится зарабатывать. А ну, гармонист, угостись от наших щедрот!

Старый баянист с поклоном опрокинул стакан в беззубый рот, пожевал хлеба и растянул меха обветшалого инструмента. Сергей Кириллович подхватил мелодию дребезгливым голосом:

Ой, да пой-звени, гитара семиструнная,
Ой, да разгони мне грустъ-тоску-печалъ,
Ой, да ты, жизнь моя цыганская,
До чего ж тебя мне жаль!

Некоторые посетители начали с чувством подпевать, поводя влажнеющими глазами. Буфетчица по-цыгански затрясла грудями с кувшины на её стойке. А один в офицерской форме без погон с усиками на скуластом лице пошёл в пляс, хлопая себя по полевой сумке на боку, и подхватил:

Эх, бирюзовы да златы колечики,
Ой, да раскатились, эх, да по лужку...
Ты ушла, и твои плечики
Скрылися в ночную мглу...

Отгоняя тягостные думы, подпел и Василий, налил в стаканы водки из графинчика и пригласил усатого плясуна с гвардейским значком на кителе. Тот протянул жилистую руку, ощерил зубы в улыбке и представился:

– Захар Ерофеевич Чалых, вербовщик из Сибири. Про Гнездовых много слышал.

– А я из вашей вербованной гвардии в отставке, – засмеялся Василий, вручил сибиряку стакан и звонко чокнулся с ним. – Пытался к отцу вот перебраться, да грехи в рай не пустили, окопаться на родине не удаётся.

– Ну, родина у нас, однако, от края до края, паря, – напомнил вербовщик. – Мы и воевали за неё все за всю. И теперь имеем право поселиться, где душа попросит, климат подойдёт и зарплата прикуёт.

– После нынешней реформы финансы требуют авансы! – сознался Василий и запил свой намёк водкой.

Вербовщик тоже с удовольствием выпил, они подвинулись друг к другу и заговорили о жизненных интересах, которые сводят порой людей, необходимых друг другу.

После нескольких прицельных вопросов оказалось, что сибиряк представляет Восточно-Сибирский центр по оргнабору. Про Гнездовых сибиряк узнал во время недавней гусиной схватки на Подгорной. Эту улицу Захар Ерофеевич решил посмотреть для сравнения с Подгорной в Иркутске, на которой родился и вырос и откуда ушёл на войну с Японией. На здешней невзрачной Подгорке вербовщик попал на гусиный бой, узнал про хозяев гусаков и сына Сергея Кирилловича. Сибиряк был приятно удивлён, что Гнездов-младший возвратился после нескольких вербовок аж с Сахалина с крепкой семьёй и немалыми деньгами к родному отцу.

– Даже начал ставить тебя в пример в своих оргнаборных зазывах, Василий Сергеевич, – с улыбкой признался вербовщик ц жестом попросил официантку повторить заказ. – Народ, однако, здесь замшелый, все держатся за сундуки, огороды и гусей.

– Гуси – наш капитал... – пробовал вклиниться в разговор Сергей Кириллович, но сын на этот раз не дал ему верховодства.

– Так мы на фронте вербовали в свою разведку пехтуру, – вспомнил Василий, поворачиваясь к отцу спиной. – Придёшь в окопы, расскажешь про особую службу в разведроте, конечно, с особым и риском в вылазках за языком, а пехтура только трофейные сигареты твои облюбует. Жмутся рохли друг к другу да кивают: «погибать, так туто-ка, в энтих траншеях, вместях».

– Пехотное братство тоже нельзя списывать, разведчик, – возразил сибиряк и подлил из графина в стаканы. – Предлагаю – за фронтовое братство!

Все четверо молча выпили, а Сергей Кириллович не преминул воспользоваться молчанием фронтовиков и заявил:

– А мы, куряне, нынче воюем своими гусачками. И детям такой боевой завет оставим!

– Больше – навоз и гонор, паря! – продолжил Захар Ерофеевич.

Баянист хихикнул, а Гнездов-старший застыл с открытым ртом, влажными глазами прося помощи у сына. Однако Василий поднял на вилке клок капусты и объявил:

– У меня это всё, что осталось, да зимбер, то есть мелочь, расплатиться за водку.

– Не дрейфь, Васек! – захорохорился вновь отец, по-гусиному крутя морщинистой шеей. – Мы и навозом поторгуем! Гусиный помёт – первостатейное удобрение в садах!

Василий потрепал отца за лацкан куртки, показал сибиряку портсигар и добавил:

– Мне помёт не по фактуре, батя, я давно не ракло! Зевнул я по-крупному, но на ярмарке самого государства!.. Теперь надо делать новый проход в минных полях...

– Государство, оно захабарит так, что останутся только рожки да ножки, – хохотнул Гордеевич.

– Наше государство может и компенсировать свою акцию, – заметил вербовщик.

– Чем же это компенсировать? – насторожился Сергей Кириллович. – Какими шишами?

Вербовщик привычно вынул из потёртой командирской сумки листок с печатным текстом и протянул Василию.

– К примеру, в твоём случае, Василий Сергеевич, приглашает тебя на строительство обводной Кругобайкальской железной дороги Иркутск – Култук – Слюдянка. Лучшего предложения в данное время, паря, не найти во всём Союзе. А я, как знаю эту трассу, и по-дружески рекомендую тебе туда поехать сразу со всей семьёй. Подъёмные обеспечиваю. Стройка только проклёвывается, и подходящее место по твоей фактуре у нас там найдётся.

– Проезжал я не раз те места, – мечтательно подкатил глаза Василий под дымостойкий потолок. – Какое раздолье!

– Сынок, ты и здесь со своей фактурой... – заныл отец, картинно растирая сердечный бок.

Однако Василий осадил старика жёстким взглядом, прицеписто впился в листок и лишь иногда переспрашивал сибиряка об условиях вербовки.

А Захар Ерофеевич отвечал широко, словно зазывал всех присутствующих в свою Сибирь, описывал прибайкальские горы-гольцы, по которым пройдёт новая железнодорожная ветка, обрисовывал бурные речки, впадающие в Байкал, призывал в неоглядные кедрачи,

ягодники, грибные угодья, перечислял разнообразную живность и воздавал добротное должное людям, прижившимся в тех местах.
– И сам я здесь скучаю по нашему Прибайкалью, – признался сибиряк, – да боевую задачу надо выполнить – кровь из носу!
– Зачем же наших туда заманиваешь, мил-человек? – поинтересовался Сергей Кириллович, смахивая капли с лилового носа. – Раклов ищешь?
– Дуракам там делать некого, – по-своему упирая на последнее слово, отрезал вербовщик. – Людей с умом и сноровкой не хватает у нас, вот беда, паря! Так развернулись с новыми стройками, что местные все разобраны. Добровольцы тоже наперечёт. А планы подпирают! Приходится вербовать по старинке, людей вроде меня от дела отрывать на подъем других из Расеюшки.
– Ради крупной ярмарки чего же не поднять? – подхватил Василий, ливнул из графина в стаканы и потянулся к сибиряку. – За такую надо и стакан поднять!
– Подписываешься на Кругобайкалку, паря? – выдохнул вербовщик и поднял руку для ударного рукопожатия.
Захмелевшее окружение, буфетчица, официантка и даже уборщица со шваброй замерли, будто им самим предстояло решать вопрос с вербовкой в Сибирь.
А Василий вложил в руку вербовщика листок, раскрыл перед ним портсигар и ответил:
– Надо посоветоваться с семьёй, Захар. Нешуточное дело – в Сибирь! Главное – жена... Да у неё тоже накипело, а за душой – зимбер...
– Ну, паря, чую, дело сладится! – воскликнул вербовщик под бурчанье Гнездова-старшего и добавил: – Как у вас здесь положено, магарыч авансом с меня!
Сергей Кириллович сразу оживился, а сибиряк подозвал официантку и попросил её пополнить графин, не забыв про закуску.
Василию оставалось положить на баян Гордеевича несколько новых рублей и подпеть ему «Бродягу с Сахалина». Когда старик набрал мелодию, сахалинец уже затянул второй куплет:
Шумит, лютует непогода,
Далёк, далёк бродяге путь.
Укрой, тайга, меня густая,
Бродяга хочет отдохнуть...
Первым присоединился к Василию Захар, потом ещё несколько голосов с воодушевлением затянули песню.

19

Захар Чалых слов на ветер не бросал: через неделю после встречи с Гнездовыми вербовщик подготовил Василию документы с деньгами. И здесь уж фронтовики ударили по рукам, в сопровождении стонущего Сергея Кирилловича направились в ресторан и распили магарыч.
Весёлые Гнездовы подъехали к своему дому на легковушке.
Удивив соседей редкой в городе «Победой», отец и сын вывалились из машины как удальцы, которых и денежная реформа не вышибла из седла. Поддерживая друг друга, они затянули на всю улицу:
Позарастали стежки-дорожки,
Где проходили милого ножки,
Позарастали мохом, травою,
Где мы гуляли, милый, с тобою...
На родные голоса из ближнего закоулка вынырнули Герка с Юриком. Мальчишки, хлюпая носами, тащили старую корзину, наполненную каким-то бумажным хламьём.
– Папка, мы денег наловили в Гусинке! – закричал Юрик, указывая на мокрые комки. – Сетку поставили под лёд, а в неё вместо рыбёшки – деньжонки приплыли!

– Правда, старые, – скривился Герка, – какие у нас крякнули... Теперь даже в уборную не годятся!
– Может, подсушить да в деревню сбагрить? – предложил Сергей Кириллович, выхватил из корзины бумажный комок и попытался засунуть его в карман куртки. – Там лапотный народ... И на старые клюнут... Разжиться кое-чем можно с лихвой...
– За счёт нас ты уже разжился, батя, – осадил его Василий. – Теперь ещё Фомку нашёл?
– Это тётя была, пап, – затараторил Юрик, грея руки у рта. – Мы видели, как она из мешка высыпала прямо в речку. Думали, мусор...
– Ах, ты ж, кошёлка дырявая, такие деньги заспать! – взвыл Сергей Кириллович. – Могла бы добрым людям отдать для обмена!
– Тётя Галя Жукова это была, – уточнил Герка. – Какая-то не в себе...
Сергей Кириллович схватился за левый бок, сел на ступеньку и захрипел:
– Гала-мочала!.. Что ж с тобой стало? Хитрющая баба, а тут накопленья свои псу под хвост!.. Всю жизнь копила на поручика своего... Откупить собиралась, если где в лагере объявится... А мильтоны как чуяли деньгу!.. Перекрыли ей обмен, зас... Перехватили голубушку-у-у...
Василий обнял сыновей за плечи, отпихнул ногой корзинку и объявил:
– Снимайте свою сетку – будем собираться в дорогу!
– Всё-таки едем! – воскликнул Герка, повис на руке отца и вдруг вспомнил японское благодарение: – Дом аригато гудза-имаште!
– Теперь придётся всем нам зарабатывать на жизнь, ребятки, – предупредил Василий, косясь на бормочущего отца.
– Пока трудно будет, пап, я возьмусь за ковры, – пообещал Герка. – Они и в Сибири в цене.
– Я буду Герке помогать клеёнку натягивать, – добавил Юрик. – А бабушке – продавать ковры на барахолке! С лебедями, русалками тут на базаре я видел...
Внезапно задёргал ногами в нелепых валенках Сергей Кириллович, воздел руки к багряному солнцу в дымной полоске из печных труб и заголосил:
– Сынок мой, внучата, на кого вы меня покидаете? Родной уголок да бросаете? Или вас тут чем-то обидели-и-и?..
Василий отпустил мальчишек, подхватил отца и втолкнул его в дом.
– Эх, хорошо в краю родном!.. – затянул было хозяин, но его с ходу подхватили Фаина с Гаврилой и уволокли в спальню.
– Долго ещё будет продолжаться эта катавасия? – стонала хозяйка. – Вроде и деньгам конец, а на гульбу нашли!
Василий вынул билеты, потряс ими перед лупастыми глазами мачехи и гаркнул так, что рыжая кошка Мурка метнулась за печь:
– Всё! Уезжаем! Бате больше лафы не будет! Прощевайте! Сибирских вестей ожидайте!
Фаина охнула и опустилась на лавку. А на кухню выдвинулась грозная Антонина, у которой уже выделялся живот под широкой юбкой.
– Финита ла комедия, как скажет Герка! – проклекотала жена.
– Уже сказал мой Герок: за что боролись – на то и напоролись! – отчеканил Василий, протиснулся в боковушку и рухнул на кровать.
Антонина же присела на табуретку рядом с изголовьем и дала волю гневу:
– Слава Богу, хоть так прекратится эта вакханалия! Лучше в бараке жить, чем при чокнутом свекоре! Это же какие надо иметь нервы, чтобы жить в таком семействе? Своих извёл донельзя и нас пустил по миру, старый прощелыга! В Сибирь определил родного сынка! Сорвал с насиженного места, окунул в пропойку да натянул морду с домом! Реформу помог проворонить тебе твой полоумный батя! И маму мою возмечтал в наймички отдать, позорник!..
– А я молюсь за него и заговор читаю, – откликнулась Федора, перекрестила стену, из-за которой долетал храп Сергея Кирилловича, и громко зашептала: – Спит ровно покойник, не встаёт, не ест и не пьёт, глаза закрыты, могилой зарыты. Как не хочет он пить-пировать, как

не может он из савана вставать, так пусть раб Сергей не пьёт вина зелена, брагу хмельную, пиво пенное!..
– Пива-а-а! – раздался хрип хозяина из-за стены. – Васёк, сынок, мне бы пивка... С твоих подъёмных можно ещё угостить отца, а то сердце того...
– Жукову отпустили, батя, – напомнил Василий, не открывая глаз. – Придётся на новые деньги клянчить тебе в долг.
– Ох, сердце не выдержит разлуки с вами, – заныл хозяин.
– Жуковку хорошо выдерживает! – хмыкнула Антонина. – С получки пришлём вам на бутылку!
– Ох, как заговорили гостюшки! – заверещала Фаина из глубины дома. – Нет – благодарить, что приняли бездомных! Туда же – охаивать благодетеля! Мало, опоили старого! Порчу навела старая ведьма! Проходимцы! Бродяги с Сахалина!..
– Молчок, кошёлка! – рявкнул Василий. – А то предъявлю счёт на наследство! Останется твой Гаврила бобылём!
Мачеха смолкла, будто схлопотала кляп. Прекратилось и нытьё отца.
Антонина накрыла Василия его шинелью, отошла к матери и звякнула замками чемодана.
– Инфляция-девальвация ударила по всему, – пробормотал Василий, повернулся к стене и представил себя снова в поезде.
И будто он силился вычитать семье строчки договора вербовки в Сибирь, да тряска вагона не давала сосредоточиться. Тогда он показал большой палец, чтобы семья поняла: судьба к ним сурова, но подбросила спасительный конец, и следовало вцепиться в него мёртвым хватом, нацелить семью на строительство гнезда на новом месте и верить в свой фарт. Получалось, как у бродяг-старателей, которые сродни разведчикам. Когда выходят они на поиск, надо крепко верить в удачу, повторяя: «Нет – будет!» Поиск может обернуться бедой, потерей всего и даже смертью. Но не искать они не могут – в этом тревожном разыскании смысл их жизни. И не в вечном ли поиске вообще смысл бытия?
А старателям потом уж трудно возвратиться на прежние шестки, даже после постоянных неудач. У таких фартовых головушек многое из жизненных устоек отмывается, как песок под струёй воды в лотке, временем, ветрами перемен, встречами, переходами, песнями, переездами... Так и рождается человеческая новина, которой трудно усидеть на старом шестке. Удары судьбы эта новина переносит легче, нежели засидевшаяся братия.
«Может быть, у нашего задёрганного государства и есть главная заслуга перед народом в том, что оно правдами и неправдами вывело многих людей из жизненных захолустий и тупиков на просторы масштабных выборов, – вывернулась горячая мысль. – И моим детишкам будет место уже в особом соединении, пусть и вызревает оно через наше поколение верботы?!»
В это время до дремотного слуха Василия донёсся тихий разговор тёщи с Антониной.
– Ты же сама, дочка, подгорнула мужика на уезд сюдой, – напоминала Федора.
– Мы предполагаем, мама, а Бог располагает, – вздохнула Антонина.
– Господь нам в сибирской дороге столько подсказу сдеял через людей про деньги, – сказала Федора, – да Василь закусил удила, что бравый жеребчик, а Большой Злыдень свет ему застил через отца.
– Самой как было взяться за обустройство, когда дитя под сердцем уже ножонками сучит, – призналась дочь.
– Теперя береги дитёнка, – попросила Федора, – крепчее тех денег это сокровище будет. По мне, так истинное богатство!
– Те бы деньги, не пропади, не помешали бы... – всхлипнула Антонина.
Федора хлобыстнула, видно, в сердцах крышкой чемодана, щёлкнула замками и сурово произнесла:
– Неправедные были те деньги, дочь, неча греха таить! Как были нажиты, так и прокручены! Таким туда и дорога! А нам Господь указал нужную тропку к новине. Не требуй больше подсказом, собирайся с духом да благодари Бога за милость!

– Вот именно, благодари, – внятно проговорил Василий, засыпая вдругорядь. – Какое слово, если разъять – благо дари...